Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

Филологический факультет

Кафедра славянской филологии

На правах рукописи

ПАЛЬЦЕВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА НАРЕЧИЯ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В РАКУРСЕ ВЗАИМОПРОНИЦАЕМОСТИ КЛАССОВ СЛОВ

Специальность: 10.02.03 – Славянские языки

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –

д-р филологических наук,

профессор В.Ф. Васильева

Москва - 2016

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Явление взаимопроницаемости частей речи в языке 12

1.1. Противоречия современной теории частей речи: причины и предпосылки 12

1.2. Взаимопроницаемость частей речи: терминология и подходы 16

1.3. Взаимопроницаемость частей речи как языковое явление 22

Глава 2. Понятие поля в лингвистике. Применение полевого подхода к частям речи 28

2.1. Становление и развитие полевого подхода в лингвистике 28

2.2. Функционально-семантические и грамматические поля 37

2.3. Краткая история полевого подхода к частям речи 42

2.4. Теоретические аспекты полевого подхода к частям речи 47

Глава 3. Анализ чешских наречий в аспекте теории полевой структуры и взаимопроницаемости частей речи 53

3.1. Неоднородность класса наречий как следствие процессов адвербиализации в чешском языке 53

3.2. Классы и разряды слов, с которыми перекрещиваются наречия в чешском языке 61

3.3. Взаимопроницаемость чешских наречий и имён существительных 63

3.4. Взаимопроницаемость чешских наречий и имён прилагательных ... 71

3.5. Взаимопроницаемость чешских наречий и имён числительных 75

3.6. Взаимопроницаемость чешских наречий и местоимений 78

3.7. Взаимопроницаемость чешских наречий и глаголов 80

3.8. Взаимопроницаемость чешских наречий и междометий 81

3.9. Взаимопроницаемость чешских наречий и предлогов 83

3.10. Взаимопроницаемость чешских наречий и частиц 89

3.11. Взаимопроницаемость чешских наречий и союзов 91

3.12. Взаимопроницаемость чешских наречий и категории состояния . 94

3.13. Взаимопроницаемость чешских наречий и модальных слов 96

3.14. Пересечения синкретичных зон периферии наречия в чешском языке 98

3.15. Процессы неологизации и заимствования иностранных слов. Место новообразований в системе чешского наречия 99
3.16. Полевая структура чешского наречия 106
Заключение 109
Библиография 117
Приложение 128
Приложение 1 128
Приложение 2 136
Приложение 3 141

Введение

Теория частей речи имеет давнюю традицию, которая уходит своими корнями в античность и насчитывает более двадцати пяти веков. Учение о классах слов зародилось в Древней Греции сначала как философская (Платон, Аристотель), а затем как филологическая теория (в первую очередь – Александрийская школа), которая позже была перенесена на латинскую почву, а затем – на почву новых живых языков Европы.

Вследствие своей богатой истории учение о частях речи является одним из самых эклектичных и противоречивых в языкознании. Одной из причин этого служит собственно лингвистический статус классов слов: их взаимосвязи и полифункциональность, гибридность, многомерность характеризующих их признаков. Части речи в самом широком и общем понимании находятся в центре всех исследований языка как важнейшего средства человеческого общения. Именно поэтому частеречная теория в определённом смысле не относится строго к одной конкретной дисциплине лингвистики, а затрагивает многие. Традиционно классы слов рассматриваются в рамках грамматического и, прежде всего, морфологического описания языков. Однако нельзя не признать, что исследования в этой области не будут объективными без рассмотрения теории частей речи также через призму синтаксиса и семантики.

Каноническая теория классов слов – это, безусловно, основа всех современных исследований, но это всего лишь схема или матрица, требующая критического восприятия, соотнесения с процессами живого языка, его грамматическими, лексическими и прагматическими аспектами, тенденциями и узусом.

Проблема классификации частей речи вызывает неугасаемый интерес учёных и по сей день: наиболее актуальными являются вопросы полевой структуры и взаимопроницаемости классов слов. Учёными-лингвистами было отмечено, что части речи не представляют собой замкнутые группы единиц, напротив, границы между ними лабильны и диффузны. Также выяснилось, что

единицы, формально принадлежащие к одной части речи, обладают характерными признаками в неравной мере, и некоторые из них способны употребляться в качестве единиц другого класса слов, выполняя вторичную, нетипичную для них синтаксическую функцию в предложении. Обозначенные выводы легли, в частности, в основу развития теории поля и теории синкретизма частей речи в языкознании.

На сегодняшний день по двум указанным проблемам существует чрезвычайно обширная литература, которая, с одной стороны, позволяет составить о них богатое и полное представление, но, с другой, обусловливает трудности при их описании и анализе. Это связано с обилием разночтений, многообразием терминологии и наличием противоположных суждений касательно теорий поля и взаимопроницаемости. В этой работе автором предпринята попытка не только изучить существующие исследования, но и произвести собственное, выбрав и обосновав свой подход к полевой структуре частей речи и их синкретизму.

Объектом исследования стал корпус наречий, функционирующих в современном литературном и разговорном чешском языке.

Предметом исследования диссертации явилась периферийная область чешского наречия, представленная различными зонами синкретизма.

Цель работы заключалась в определении состава периферии чешского наречия и выявлении факторов, влияющих на предрасположенность языковых единиц к взаимопроницаемости. Как известно, наречие является одной из самых неоднородных и многомерных частей речи в чешском языке (как и во всех славянских). Это прежде всего вызвано историческими процессами формирования наречий как класса, а именно, активной адвербиализацией словосочетаний, предложных конструкций и словоформ, относящихся к другим частям речи. Неравномерность состава наречий способствует затруднению их

описания и требует тщательного изучения и в ракурсе грамматики, и в ракурсе семантики.

Для решения вышеуказанной цели в работе были поставлены следующие конкретные **задачи**:

1. Эксцерпировать наиболее употребительные в чешском языке наречия, используя толковый словарь чешского языка, словари неологизмов, Национальный корпус чешского языка (syn2015), результаты выдачи чешской поисковой системы (Google.cz).
2. Выявить единицы, принадлежащие периферийной зоне наречия путём изучения их функционирования в языке.
3. Классифицировать единицы, относящиеся к периферии чешского наречия, на зоны синкретизма на основании определения того, с какими частями речи осуществляется взаимопроницаемость.
4. Показать взаимопроницаемость изучаемых синкретичных единиц, используя примеры их употребления в современном чешском языке.
5. Выявить пересечения зон синкретизма на периферии чешского наречия и исследовать причины таких пересечений.
6. Представить структуру периферии наречия в чешском языке и обозначить факторы, влияющие на отнесение единиц к периферийной области.
7. Сделать выводы о характеристиках, которыми должны обладать наречия, принадлежащие ядерной зоне этого класса слов.

Актуальность и **теоретическая значимость** проблематики исследования заключаются в необходимости установления некого «алгоритма», помогающего выявить наличие или отсутствие у языковой единицы в целом и чешского наречия в частности потенциала к взаимопроницаемости, а также классифицировать наречия на ядерную и периферийную зоны. Такой подход позволяет пролить дополнительный свет на строй языка и классификацию частей речи, которые служат фундаментом языковой структуры.

Вопрос о разграничении частей речи является одним из самых дискуссионных в лингвистике. Трудности выделения классов слов неоднократно убеждали учёных в наличии полевой структуры частей речи. Гибкость, нечёткость границ классов слов отмечались многими лингвистами (например, В. Г. Адмони, Л. В. Бортэ, И. П. Ивановой, А. В. Бондарко, В. М. Павловым и другими). Вызвано это прежде всего тем, что грамматические явления по своей природе многомерны, и их невозможно определить однозначно [Адмони, 1964, с. 35-47].

Грамматические явления в целом и части речи в частности характеризуются не одним признаком, а их совокупностью (куда входят семантические, морфологические, синтаксические признаки); причем слова одной и той же части речи обладают этими признаками в неравной мере. Для подтверждения сказанного обратимся к чешским прилагательным. Прилагательные – это изменяемая часть речи. Однако краткие прилагательные практически утратили систему словоизменения. Также нельзя исключить из рассмотрения несклоняемые заимствованные прилагательные типа *khaki (хаки)*, *bordó (бордо)*. Таким образом, признак изменяемости, характерный для прилагательных в целом, в полной мере проявляется лишь в ядерной зоне (т.е. у полных прилагательных), а по мере продвижения к периферии (краткие прилагательные → неизменяемые прилагательные) угасает и в конечном итоге сходит на нет. Еще один показательный пример – степени сравнения, которыми обладают только качественные прилагательные и, как следствие, только наречия, образованные от качественных прилагательных.

В результате многомерности границы между частями речи часто бывают лабильны, что и способствует выполнению ими аналогичных функций и, следовательно, их взаимопроницаемости. Такая множественность и несимметричность признаков у грамматических явлений не привносится в систему языка несовершенством методики исследования, а является

объективным свойством самой этой системы, закономерностью структуры самих грамматических явлений, которая требует тщательного изучения.

В настоящей работе анализ периферийной зоны чешского наречия осуществлялся на материале толкового словаря чешского языка (Příruční slovník jazyka českého, T. 1-9), словарей неологизмов (Nová slova v češtině, T. 1-2), Национального корпуса чешского языка (syn2015) и результатов выдачи чешской поисковой системы (Google.cz).

При решении поставленных задач общей **теоретической базой** послужили работы отечественных и зарубежных исследователей – В. Г. Адмони, В. М. Алпатова, Н. Д. Арутюновой, В. В. Бабайцевой, Ш. Балли, В. В. Белого, М. Я. Блоха, А. В. Бондарко, Л. Брожа, Л. М. Васильева, В. В. Виноградова, И. В. Высоцкой, Р. М. Гайсиной, Е. В. Гулыги, Е. И. Шендельс, А. Т. Кривоносова, Е. С. Кубряковой, О. В. Лукина, И. Л. Ляпичевой, Е. В. Муруговой, В. М. Павлова, Л. В. Щербы, Г. С. Щура, Ф. Данеша, М. Докулила, Й. Филипца, О. Мартинцовой, Й. Неуступного, З. Русиновой и многих других.

В диссертации применялись следующие общенаучные и частные **методы**:

a) системно-структурный – выявление и исследование взаимосвязей изучаемого объекта;
b) функциональный, на основе которого исследуются особенности функционирования синтагм заданного типа;
c) дистрибутивный метод, с помощью которого рассматриваются и учитываются сочетаемостные свойства синкретичных единиц;
d) некоторые приемы статистического метода; в этом случае актуальными становятся понятия процентного соотношения и количества. В нашем исследовании эти параметры применимы к исследованию структуры периферии чешского наречия, а именно к

распределению и долям синкретичных зон по отношению ко всей периферийной области.

Научная новизна работы состоит в том, что в диссертации впервые представлено комплексное исследование полевой структуры такой неоднородной и многомерной части речи, как наречие, в ракурсе взаимопроницаемости частей речи на материале чешского языка. Новый подход к изучению проблематики разграничения классов слов проявился в синтезе положений частеречных теорий поля и синкретизма и в их последовательном применении. Более того, в диссертации анализировался поистине объемный языковой материал, представленный более 14 000 единиц и их употреблений, что позволяет её результатам и выводам проведенного исследования претендовать на объективность.

Практическая ценность диссертационной работы заключается в том, что результаты исследования могут быть полезными при составлении учебных пособий по грамматике, по проблемам современной теории частей речи, при компаративном анализе языковых систем в близкородственных языках. Кроме того, результаты этой работы могут использоваться при чтении университетских спецкурсов и в работе семинаров.

Анализ обширного языкового материала (нескольких тысяч наречий и контекстов их употребления), нацеленный на выявление синкретичных единиц и исследование явления взаимопроницаемости частей речи, позволяет вынести на защиту следующие **положения**:

1. Неоднородность состава наречий является причиной многомерности их признаков и, как следствие, предрасположенности единиц, принадлежащих этой части речи, к взаимопроницаемости.
2. Периферия чешского наречия состоит из зон синкретизма, являющихся общими для наречия и соответствующих частей речи. В том числе, синкретичные зоны могут быть общими для более чем

двух частей речи, т.е. могут пересекаться между собой в рамках периферийной зоны.

3. Наречия имеют общие зоны синкретизма не только с частями и частицами речи, но и с разрядами слов – категорией состояния и модальными словами.
4. Одно из главных условий взаимопроницаемости – частеречная омонимия синкретичных единиц.

Диссертация состоит из **введения**, **трех глав** и **заключения**.

В **Главе 1** анализируются причины противоречий в современной теории частей речи, а также описываются основные подходы к изучению взаимопроницаемости классов слов в языке (с опорой на труды философов и лингвистов). В этой же главе приводится и комментируется терминология, использующаяся в отношении этого языкового явления, рассматриваются его предпосылки и сущность.

Глава 2 посвящена теории поля, ее зарождению, становлению и развитию. В обозначенной главе изучается классификация подходов к полевым структурам. Должное внимание уделяется полям как способу представления частей речи, истории и теоретическим аспектам этого подхода.

Для анализа собранного языкового материала в **Главе 3** применяются терминология и положения, выработанные и рассмотренные в предыдущих двух главах. В этой главе изучаются причины многомерности чешского наречия как класса слов. Детально исследуется периферия чешского наречия, состоящая из разных зон синкретизма. Производится их структурирование, определяется их характер, выявляются взаимодействия синкретичных единиц между собой в рамках периферийной области. Объясняются причины и предпосылки синкретичности определённых словоформ, выявляются их внутренние потенциалы к взаимопроницаемости частей речи. На основе полученных выводов делаются предположения о признаках «сильных» наречий, не подверженных явлению синкретизма и относящихся к ядерной зоне.

В **Заключении** синтезируется представленная в основной части информация, излагаются выводы, сделанные на основании проведенного исследования, делается общая характеристика результатов анализа собранного материала, резюмируются основные положения диссертационного исследования.

Общий объем корпуса эксцерпций – чешских наречий – составляет **14 177 единиц**.

По теме работы составлена **библиография**, которая насчитывает более 100 работ, словарей и монографий.

Апробация: Результаты и выводы исследования нашли отражение в докладах автора на международной конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 26 - 28 ноября 2013 года); на международной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2014» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 7 - 11 апреля 2014 года); на международной конференции молодых учёных «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, РАН, 20 - 21 мая 2014 года). Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (25 апреля 2016 года). По теме исследования имеется 8 публикаций, включая 3 статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Глава 1. Явление взаимопроницаемости частей речи в языке

1.1. Противоречия современной теории частей речи: причины и предпосылки

Предпосылки и причины основных проблем и нерешенных вопросов современной теории частей речи лежат глубоко в истории развития грамматической науки. Они заключаются даже не столько в борьбе различных направлений, сколько в отражении «…порой в самом неожиданном ракурсе всей истории человеческой мысли – и политической, и религиозной, и эстетической, и философской, и филологической, и лингвистической» [Лукин, 2003, с. 53]. Отсюда следует невероятная эклектичность [Лукин, 2012, с. 98; Лукин, 2010, с. 128] и смешение взглядов и воззрений, которые сопровождали теорию классов слов на всем пути её становления и развития. Остановимся немного подробнее на основных вехах истории частей речи.

И. М. Тронский выделяет четыре основополагающих этапа в античном учении о классах слов: 1) **дограмматический период**, характеризующийся тем, что языковые единицы, которые впоследствии вошли в состав частей речи, выделялись исследователями в неграмматическом контексте (учения Платона и Аристотеля), 2) **грамматический период**, ознаменовавшийся созданием грамматической системы элементов предложения на базе логического учения стоиков, 3) появление **морфологических критериев** и борьба направлений вокруг системы классов слов (спор аномалистов и аналогистов), 4) канонизация **восьмичленной «александрийской» классификации** [Тронский, 1941, с. 23].

Принято считать, что у истоков теории частей речи стоял великий античный философ **Аристотель (384 – 322 гг. до н. э.)**, который отчасти развил взгляды своего учителя **Платона (427-347 гг. до н. э.)**. Хотя вклад Аристотеля в формирование языкознания как науки и, в частности, теории классов слов по-разному оценивается учёными, нельзя не отметить тот факт, что категории Аристотеля, выведенные из особенностей строения его родного

древнегреческого языка, в истории лингвистики и истории частеречной проблематики послужили не только образцом, но и принципом описания других языков.

Импульс к дальнейшему развитию теории классов слов дала философская дискуссия **аномалистов** и **аналогистов (середина II в. до н. э. – начало н. э.)**. Первую точку зрения представляли философы-**стоики**, которых традиционно характеризуют как философскую школу, поставившую рассмотрение языка в центр своей логической теории и отрицающую язык как прямое отражение окружающего мира [Лукин, 2003, с. 55]. Аномалисты полагали, что все в языке случайно, и норма может быть выведена исключительно из обихода, который не подчиняется никаким правилам, т.е. установление нормы есть наблюдение за обиходом. По мнению стоиков, язык сопротивляется абсолютной системности, в нем много аномалий и исключений. Учение аналогистов, к которым относились **александрийцы**, заключалось прежде всего в поиске закономерностей языка. Аналогисты представляли язык как систему чётких правил, в идеале не знающих исключений, и были сторонниками конструирования нормы исходя из законов аналогии. Столкновение философии стоиков и филологии александрийцев оценивается как толчок, приведший к развитию и расцвету научной грамматики. Привычные нам «священные» восемь частей речи, выделенные на основе семантических, морфологических и синтаксических признаков, можно найти в грамматике **Аристарха Самофракийского (216 – 144 гг. до н. э.)**, а затем и его ученика **Дионисия Фракийского (170 – 90 гг. до н. э.)**.

Удивителен тот факт, что благодаря созданию александрийской грамматики развитие частеречной теории достигло апогея, который никогда не повторился впоследствии (на протяжении более двух тысячелетий). Вся последующая история теории классов слов так или иначе была связана с восемью частями речи древнегреческого языка, предложенными александрийцами [Лукин, 2003, с. 56].

Таким образом, историческое развитие теории классов слов обусловливает её эклектичность [Лукин, 2012, с. 100]. В широком смысле этот термин означает, что частеречная теория охватывает как собственно лингвистические (в первую очередь грамматические и лексические), так и когнитивные, психологические, психо- и нейролингвистические явления, связанные с человеческой способностью говорить, с разнообразными аспектами языковой системы и речевой деятельности человека. Причиной такой эклектичности служит то, что классы слов всегда находятся в центре всех исследований языка как важнейшего средства человеческого общения. Эклектичность частей речи в узком смысле связана со «смешением» критериев их выделения и классификации [Лукин, 2012, с. 103].

Вследствие вышеизложенного возникает вопрос о пригодности унаследованной от античной так называемой традиционной теории классов слов. Нельзя не признать, что греческие философы и филологи внесли неоценимый вклад в становление и развитие языкознания в целом и частеречной теории в частности. Они предложили метод подхода к описанию своего родного языка, однако их последователи переняли не сам метод, а именно матрицу, схему – восемь частей речи Дионисия Фракийского. Традиционная теория классов слов представляет собой схему, удовлетворяющую практическим потребностям, однако задачей современной лингвистики является критическое отношение к схеме и матрице, творческое использование метода, использовавшегося в античности для выделения классов слов, его глубокое понимание и обязательный учет типологических свойств различных языков [Лукин, 2003, с. 57].

Выводы по параграфу 1.1

В настоящее время одной из актуальнейших проблем языкознания является взаимопроницаемость частей речи, которая не была изучена в традиционной теории классов слов. Частеречная взаимопроницаемость обусловлена тем, что классы слов не представляют собой замкнутые группы

единиц, границы между ними размыты и диффузны, и, соответственно, схема классической теории частей речи не дает ответа на многие возникающие вопросы. В последующих параграфах мы проанализируем эту проблему более детально.

1.2. Взаимопроницаемость частей речи: терминология и подходы

Несмотря на неугасающий интерес к проблеме классификации частей речи, в языке остается довольно много открытых вопросов. Одним из них является вопрос о взаимопроницаемости частей речи, о лабильности и размытости границ между классами слов. Существует несколько подходов к обозначенной проблеме, терминология которых значительно разнится. В настоящей работе мы будем придерживаться терминов **«взаимопроницаемость частей речи», «перекрещивание классов слов», «синкретичные образования», «зона синкретизма»**, т.к., по нашему мнению, эти термины наиболее полно отражают сущность явления. Проанализируем различные подходы к вопросу взаимопроницаемости частей речи и постараемся объяснить и мотивировать выбор терминологии, которая будет использоваться нами в дальнейшем ходе исследования.

Наиболее популярным и устойчивым понятием в современной лингвистике является понятие **конверсии**, или **перехода** из одного класса слов в другой. Наиболее распространённое понимание конверсии (перехода) состоит в том, что лексема «переходит» из одной части речи в другую, и при этом наблюдается изменение всех или некоторых признаков исходной части речи. Меняются лексические значения исходного класса слов, его грамматическая характеристика, синтаксическая функция, сочетаемость с другими частями речи [Кривоносов, 2001, с. 117].

Однако в настоящей работе этот термин не используется, поскольку, по мнению автора, лексемы, имеющие тенденцию к взаимопроницаемости, не «переходят» из одной части речи в другую, исчезая из состава исходного класса слов и появляясь в числе единиц производного; эти лексемы **синкретичны** и предрасположены к **частеречной омонимии**. Такая омонимия имеет мало общего с лексической омонимией в классическом понимании. Объясним понимание термина в нашем исследовании.

В широком смысле слова **омонимами** могут быть не только собственно лексические (или **абсолютные**) омонимы, но и все другие созвучия и разного рода совпадения, которые называют **относительными** омонимами (**паронимами**), или явлением **омофонии**. По мнению В. В. Виноградова, сюда входят «все виды единозвучий или созвучий – и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях» [Виноградов, 1960, с. 4].

В настоящем исследовании омонимия понимается не просто как омофония, или относительная омонимия, а как **частеречная омонимия**. Это обусловлено тем, что омонимичным является не лексическое значение (напротив, в этом отношении в большинстве случаев наблюдается очевидная близость семантики, её взаимное проникновение), а значение частеречное, грамматическое.

Почему анализируемые явления не рассматриваются как **полисемия** (т.к. полисемия как раз подразумевает логическую и историческую связь между значениями языковой единицы)? Это связано с тем, что полисемия возникает только между единицами, относящимися к одной части речи, что совершенно не соответствует предмету исследования – зонам синкретизма периферии наречия [Filipec, 1972, с. 127].

Рассмотрим существующие в современной лингвистической науке точки зрения на взаимопроницаемость / конверсию / переход лексем: вслед за А. Т. Кривоносовым выделим два основных подхода [Кривоносов, 2001, с. 116-135].

1) «Конверсия» как переход лексемы из исходной части речи в производную часть речи <u>в структуре предложения</u>.

2) «Конверсия» как переход лексемы из исходной части речи в производную часть речи <u>вне структуры предложения</u>.

1) «Конверсия» как переход лексемы из исходной части речи в производную часть речи <u>в структуре предложения</u>

«В языке наблюдается постоянный переход слов из одной части речи в другую» [Гулыга, Натанзон, 1957, с. 24]. «Части речи не представляют собой изолированных разрядов слов. Возможен переход слов из одной части речи в другую. Такой переход обусловлен изменением лексического значения слова и его морфологической характеристики, что влияет на его синтаксическое употребление» [Шендельс, 1954, с. 16].

Конверсия как способ безаффиксного образования существует в языке под самыми различными терминами. В настоящем параграфе перечисляются основные термины, используемые прежде всего в отечественной и чешской лингвистике, т.к. освещение вопросов теории частей речи и их взаимопроницаемости в отечественной лингвистике во многом пересекается с положениями чешского языкознания [Dokulil, 1982, с. 257], [Filipec, 1972, с. 122]. Итак, основными терминами, применяемыми при описании явлений взаимопроницаемости частей речи, являются:

- **«транспозиция частей речи»**, когда слово из одной части речи транспонируется в другую часть речи (субстантивация, вербализация, адвербиализация слов и т.д.) [Dokulil, 1982, с. 257-271],
- **«взаимопереход частей речи»** [Супрун, 1964, с. 47],
- **«несобственная деривация»** [Арутюнова, 1960, с. 68-79],
- **«невыраженная производность»** (этот термин объединяет несколько моделей: конверсию, переход грамматической формы в другую часть речи, фонологическое преобразование корня, отсечение словоизменительных показателей) [Кубрякова, 1965, с. 60],
- **«обратное словопроизводство»** [Мячина, 1960, с. 20],
- **«морфолого-синтаксический тип словообразования»** [Ярцева, 1952, с. 80],

- **«взаимопереход частей речи»**, обусловленный изменением лексического значения слова, его морфологической характеристикой, синтаксическими функциями, сочетаемостью с другими частями речи [Гулыга, Натанзон: 24], [Шендельс, 1954, с. 16-17],
- **«словопроизводство с нулевым аффиксом»** [Степанова, 1967, с. 94-95],
- **«синкретичные образования», «зона синкретизма»** [Бабайцева, 1983, с. 36-37],
- просто **«конверсия»** или **«переход слов в другие части речи»** [Filipec, 1972, с. 122-129] и др.

Разнообразие формулировок отражает различный подход к обозначенному способу словообразования, не всегда однородный и единообразный даже у одного автора. Причина этого заключается в том, что, с одной стороны, речь идет именно о словообразовании, об одном из путей развития словарного состава языка, а с другой стороны, подчеркивается тесная связь безаффиксного словопроизводства с грамматикой, поскольку происходит «переход» лексемы из одной части речи в другую, наблюдается их взаимопроницаемость.

Все перечисленные авторы и используемые ими термины объединяются одним общим моментом: взаимопроницаемость / конверсия / переход лексем возможны только в структуре предложения, без отрыва от определённого контекста, т.к. именно он позволяет определить принадлежность слова к тому или иному классу слов в данном конкретном употреблении. Таким образом, именно синтаксическая функция, сочетаемость и окружение являются предпосылкой для взаимопроницаемости частей речи.

2) «Конверсия» как переход лексемы из исходной части речи в производную часть речи <u>вне структуры предложения</u>

Яркими представителями этого подхода являются Б. А. Серебренников и В. В. Белый. В их представлении понятие конверсии опирается на факт

использования готовых, образованных по конверсии слов еще до их использования в предложении, контексте. Если бы конверсия была невозможна в изолированных словах, то сама конверсия как способ словообразования была бы фикцией. Сам термин «конверсия» подразумевает существование некоего исходного слова, которое затем опознается изолированно как определённая часть речи. Грамматическую сочетаемость нельзя рассматривать в качестве словообразовательного средства, ибо она сама вытекает из слова и предполагает существование последнего. Слова относятся к определённым частям речи не в силу их сочетаемости, а их сочетаемость есть следствие их принадлежности к готовым классам слов.

Однако, как отмечает А. Т. Кривоносов, части речи – «…не слова, лишённые морфологических и синтаксических форм, не буквы на кубиках из детской разборной азбуки, которые (буквы), как не варьируй, остаются все теми же буквами: употребление же частей речи в предложении диктуется грамматическими свойствами предложения и, следовательно, теми же грамматическими свойствами искомых слов – частей речи» [Кривоносов, 2001, с. 128].

Выводы по параграфу 1.2

В нашей работе мы рассматривали случаи, находящиеся в рамках первого подхода к взаимопроницаемости частей речи. Это представляется нам целесообразным, поскольку структура предложения, внутри которого слово выполняет определённую синтаксическую функцию, обусловленную его семантикой и частеречным категориальным значением, способна изменить дифференциальные признаки этого слова и тем самым создать предпосылки для взаимопроницаемости.

Почему из всего многообразия уже существующих терминов для этого исследования были выбраны именно термины «взаимопроницаемость», «перекрещивание», «синкретичные образования», «зона синкретизма»? Нам

представляется важным, что все эти термины, во-первых, иллюстрируют двусторонний и взаимный процесс, во-вторых, показывают диффузность частеречных границ, в-третьих, не заостряют внимание на «переходе» единиц из одного класса слов в другой, т.к. «переходность» единиц – вопрос спорный, ведь единица не «уходит» окончательно из одной части речи в другую. В дальнейшем ходе работы мы постараемся на практике доказать обоснованность употребления выбранных терминов и их преимущество (на наш взгляд) перед прочими существующими.

1.3. Взаимопроницаемость частей речи как языковое явление

Для современной лингвистики очевиден тот факт, что систему частей речи некорректно изображать в виде упорядоченного линейного ряда. Взгляд на язык как на естественное образование обусловливает представление об асимметрии его системы, невозможности проведения чётких границ и построения однозначных классификаций [Высоцкая, 2008, с. 207].

При разграничении частей речи важную роль, бесспорно, играют и семантические, и грамматические (морфологические и синтаксические) признаки [Mluvnice češtiny 2, 1986, с. 13-15]. Части речи представляют собой классы слов с общим абстрактным значением, выраженным грамматическим оформлением, в котором первое место всегда занимает сторона синтаксическая, морфологическая же стоит на втором месте [Смирницкий, 1959, с. 100-105].

Наиболее объективным и многоаспектным подходом к рассмотрению частей речи является **структурно-семантический подход** (называемый также **полидифференциальным принципом**, который подразумевает использование семантического, формального и функционального критериев выделения классов слов [Блох, 2002, с. 63-81]), учитывающий разнородный характер единиц языка. При их классификации в центре внимания оказывается не только форма (структура, строение, грамматическая сторона), но и значение (семантика), потому что они неразрывно связаны между собой. Таким образом, части речи как структурно-семантические классы выделяются с учетом совокупности следующих наиболее значительных дифференциальных признаков: 1) категориальное (общее грамматическое, классифицирующее значение), 2) лексическое значение, 3) частные грамматические значения, 4) морфемный состав слова, 5) валентность слова, 6) синтаксические функции [Бабайцева, 1983, с. 35-36]. Однако полным набором всех перечисленных признаков обладают не все части речи, например: знаменательные слова имеют и категориальное, и лексическое значение, служебные слова – только категориальное; знаменательные слова выполняют в предложении функции различных членов

предложения, а служебные слова лишь обслуживают их; неодинакова и валентность частей речи, или их способность к сочетанию.

Из сказанного выше следует, что яркие формальные признаки характерны не для всех классов слов, поэтому при их классификации доминирующим и определяющим признаком является категориальное значение, т.к. оно свойственно всем частям речи, проявляет себя во всех остальных признаках и обусловлено взаимодействием лексики и синтаксиса.

Таким образом, категориальное значение приписывается классам слов в качестве основного или первичного. На его базе в языке складываются вторичные значения, которые «…не столько идут «вразрез» с основными значениями частей речи» [Кубрякова, 1978, с. 52], сколько повторяют их в другом классе слов и переносят определённым образом значение одной части речи в другую и создают предпосылки для их перекрещивания.

Основным условием явления взаимопроницаемости в системе классов слов являются синтаксические функции частей речи, которые обусловлены их лексическими и категориальными значениями и служат дифференциальным признаком того или иного класса слов [Бабайцева, 1983, с. 36]. Это явление происходит именно при функционировании слова в речи, потому что в языке слово обладает отличительными признаками, но под влиянием синтаксической функции может изменить их. Взаимопроницаемость частей речи создает трудности при их классификации, т.к. одним из её следствий является образование функциональных омонимов и гибридных слов, входящих в **зону синкретизма** (термин В. В. Бабайцевой).

Чтобы показать место зоны синкретизма в системе частей речи и наглядно представить процесс взаимопроницаемости языковых единиц, обратимся к схеме, предложенной В. В. Бабайцевой [Бабайцева, 1983, с. 36-37]:

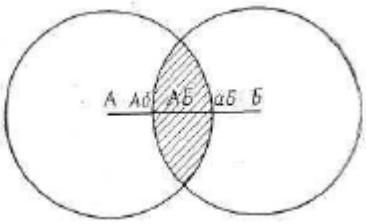

Схема №1.

Классы слов на схеме №1 изображены в виде кругов, а заштрихованная область их пересечения является той самой зоной синкретизма, которая возникает в результате взаимопроницаемости частей речи. Каждый из кругов (= каждый из сопоставляемых классов слов, связанных явлениями взаимопроницаемости) имеет центр и периферию (подробнее о полевом подходе к частям речи см. следующую главу), причем часть периферии представляет собой фрагмент, образующийся в результате наложения одного круга на другой, т.е. это не просто периферия рассматриваемых классов слов, а зона промежуточных явлений и апогей взаимопроницаемости.

Центр (ядро) каждой части речи, обозначенный буквами А и Б, включает в себя наиболее типичные для этого класса слов единицы, которые характеризуются полным набором дифференциальных признаков.

На **периферии** располагаются слова и группы слов, у которых отсутствуют или не ярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи. Их отсутствие или ослабление возмещается появлением каких-либо дифференциальных признаков сопоставляемого полярного типа (А или Б). Таким образом, Аб и аБ являются периферийными звеньями.

Заштрихованный сегмент (АБ) – это область **промежуточных** образований, для которых характерно равновесие сочетающихся дифференциальных признаков.

Зону синкретизма образуют звенья Аб, АБ, аБ, которые делятся на **периферийные** (Аб, аБ) и **промежуточные** (АБ). Промежуточная зона является лишь частью зоны синкретизма.

Таким образом, зона синкретизма – это область переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи как в синхронном, так и в диахронном плане [Бабайцева, 1983, с. 37].

Соответственно, оси А → Аб → АБ → аБ → Б и А ← Аб ← АБ ← аБ ← Б отражают соотношение совмещенных характерных признаков сопоставляемых частей речи и представляют собой **шкалу взаимопроницаемости** (в терминологии В. В. Бабайцевой – **шкалу переходности**).

Полное представление о системе частей речи языка не может быть получено из изучения только центральных (ядерных) случаев, характеризующихся максимальным набором дифференциальных признаков. Игнорирование зоны синкретизма приводит к сокращению и обеднению объекта исследования. Без изучения и описания явления взаимопроницаемости невозможна глубокая и многоаспектная структурно-семантическая классификация частей речи.

Что же является причиной взаимопроницаемости классов слов? Синкретичные образования возникают в связи с различными факторами, главным из которых является потребность в выражении некоторых компонентов информативной семантики за счет уже имеющихся в языке средств [Бабайцева, 1983, с. 38], т.к. «…благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» [Балли, 1955, с. 143]. Более того, синкретичные образования – это своеобразные «конденсаторы семантики», средство «сжатия» текста и один из способов экономии языковых средств, поэтому они в большей мере, чем ядерные единицы, обладают богатой семантикой, разнообразной валентностью и вариативностью синтаксических функций [Бабайцева, 1971, с. 108-110].

Явление взаимопроницаемости частей речи обусловлено также тем, что языку необходимы не только чисто грамматические средства выражения смысловых отношений между синтаксическими единицами, но и лексико-

грамматические связи, сохраняющие в определённой мере лексические значения, которые позволяют дифференцировать существующие смысловые отношения [Бабайцева, 1983, с. 41].

Однако части речи неоднородны по способности к образованию синкретичных слов. Наибольшей степенью подвижности обладают служебные слова, не имеющие номинативного лексического значения, наименьшей – конкретно-предметные существительные и спрягаемые глагольные формы (такова ситуация, например, в русском и чешском языках) [Чесноков, 1972, с. 94-102].

Синкретичные образования различны также в плане стилистики: узуальные синкретизмы как правило стилистически нейтральны, в то время как окказиональные синкретизмы экспрессивны и необычны.

Выводы по параграфу 1.3

В заключение параграфа подведем итог изложенному выше и ответим на вопрос, почему необходимо изучать явление взаимопроницаемости классов слов в языке.

Во-первых, рассмотрение синкретичных образований дает более гибкую и реальную классификацию частей речи, соответствующую системе языка и речи.

Во-вторых, анализ классов слов в ракурсе их взаимопроницаемости позволяет представить части речи как динамическую систему взаимодействующих единиц, а не как традиционную схему изолированных друг от друга групп, имеющую мало общего с действительной структурой живого языка.

В-третьих, взаимопроницаемость классов слов помогает избегать категоричных квалификационных трактовок «сложных» и неоднозначных случаев (синкретичных образований), т.к. допускает «эластичность» и диффузность границ частей речи.

В-четвертых, изучение этого явления способствует вскрытию семантической емкости слов, входящих в зону синкретизма.

В-пятых, взаимопроницаемость классов слов «…не только показывает грамматикализацию лексических средств для выражения смысловых связей и отношений, но и объясняет причины этого явления, а именно потребность в дифференциации смысловых связей и отношений» [Бабайцева, 1983, с. 42].

В-шестых, частеречная взаимопроницаемость объясняет разнообразие валентных свойств и мотивированность синкретичных образований многокомпанентной семантикой.

Глава 2. Понятие поля в лингвистике. Применение полевого подхода к частям речи

2.1. Становление и развитие полевого подхода в лингвистике

При описании различных языковых явлений в современной лингвистике часто используется полевой подход, причем в отечественной и зарубежной научной литературе существует множество теорий поля. Однако среди всего разнообразия материала, интерпретируемого как поле, представляется возможным выделить несколько основных направлений в полевом подходе и указать исследователей, чьи работы в этой области пользуются наибольшей популярностью. Обратимся к истории вопроса для того, чтобы проанализировать основные вехи в становлении и развитии теории поля в лингвистике.

Впервые теория поля появилась в немецкой лингвистике под влиянием соответствующих понятий в физике и некоторых других естественно-научных дисциплинах. Это было связано с тем, что в конце XIX века – в первые десятилетия XX века возник повышенный интерес к системному рассмотрению языка и в частности лексики, которая представлялась ранее хаотичной и с трудом поддающейся классификационному изучению. Учёные все чаще высказывались о системном характере словаря, что стимулировало дальнейшие исследования в этой области, однако они не представляли собой цельной теории.

В связи с интересом именно к лексическому составу языка полевой подход проявился прежде всего в семантике. Понятие семантического поля приобрело наибольшее распространение после выхода работы Г. Ипсена «Die alte Orient und die Indogermanen» (1924), где оно определяется как совокупность слов, обладающих общим значением (учёный исследовал поле названий металлов в индоевропейских языках), однако подобный подход восходит к трудам В. Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1830-1835) и Г. Остгофа «Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen» (1900), в которых при описании лексики

употребляется термин «система», а не «поле», т. о., применение полевого подхода у Ипсена еще не было окончательно оправдано и мотивировано.

Дальнейшее развитие полевого подхода в языкознании связывается с именем Й. Трира (прежде всего работы «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes» (1931), «Die Idee der Klugheit in ihrer sprachlichen Entfaltung» (1932), «Sprachliche Felder» (1932), «Das sprachliche Feld» (1934)), который разработал не только новые принципы системного анализа лексики, но и применил их в исследовании обширного фактического материала. Учёный разделил понятие семантического поля на «лексическое» и «понятийное» поля и ввел эти термины в лингвистический обиход. Согласно теории Трира, поле состоит из элементарных единиц – понятия и слова, при этом составные компоненты словесного поля полностью покрывают сферу соответствующего понятийного поля. Исследователь предполагал полный параллелизм (изоморфизм) между понятийными и словесными полями. Теория Трира тесно связана с учением В. Гумбольдта о внутренней форме языка (см. вышеупомянутый труд «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества») и положениями Ф. де Соссюра о языковых значимостях (см. его «Курс общей лингвистики» (1916), опубликованный посмертно Ш. Балли и А. Сеше). Трир исходил из понимания синхронного состояния языка как замкнутой стабильной системы, определяющей сущность всех её составных частей. По мнению Трира, «слова того или иного языка не являются обособленными носителями смысла, каждое из них, напротив, имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [Васильев, 1971, с. 106]. Теория поля, разработанная Триром, вызвала широкую дискуссию как внутри Германии, так и за её пределами. Критиковали её за следующее [Васильев, 1971, с. 107-108]: 1) за логический, а не языковый характер выделяемых им полей; 2) за идеалистическое понимание им соотношения языка, мышления и реальной действительности; 3) за то, что Трир считал поле закрытой группой слов; 4) за

то, что Трир фактически игнорировал полисемию и конкретные связи слов; 5) за то, что он допускал полный параллелизм между словесными и понятийными полями; 6) за то, что он отвергал значение слова как самостоятельную единицу и считал, что значение слова определяется его окружением; 7) за пренебрежение Трира к фактам живого языка (за преимущественную опору в исследованиях на древние памятники немецкого, французского и английского языков); 8) за то, что он изучал только имена (главным образом, существительные и прилагательные), оставляя без внимания глаголы и устойчивые сочетания слов; 9) за то, что свою структурную по идее гипотезу он пытался проверить старыми, неструктурными методами; 10) за неудачные образы (мозаика, пальто, покрывало и др.), которые он использовал при характеристике поля. Однако несмотря на такую жесткую критику, труды Трира стали важнейшим этапом в развитии структурной семантики и стимулом для дальнейших исследований полевой структуры, подражательных и оригинальных.

Среди этих исследований, например, выделяется работа К. Ройнинга «Joy and Freude. A comparative study of the linguistic field of pleasurable emotions in English and German» (1941), в которой наряду с именами анализировались и другие части речи, использующиеся для выражения радости. Представляется возможным сравнить подходы к изучению поля у Й. Трира и К. Ройнинга. В принципе, подходы учёных, кроме упомянутого выше различия в частеречном объеме материала, очень близки, т.к. оба имеют в определённой степени экстралингвистическую природу (Й. Трир изучал группу слов с общим значением разума, К. Ройнинг – радости). Различие состоит в следующем: К. Ройнинг считал, что слова с точки зрения семантики входят в разные группы, и их семантика зависит от контекста, в то время как у Й. Трира слово и его характеристика зависят от места в системе или от места в поле. Однако оба лингвиста сходились во мнении насчет того, что основной характеристикой поля является наличие общих значений входящих в него лексем.

В процессе подобных исследований, несмотря на разнообразие точек зрения по частным вопросам, наметились два основных пути в разработке семантических полей. По мнению Г. С. Щура [Щур, 1974, с. 20], их можно назвать **парадигматическим** и **синтагматическим (синтаксическим)** подходами. Парадигматический подход связывается прежде всего с именами Й. Трира и Л. Вайсгербера, которые изучали парадигматические отношения между лексическими единицами языка, а синтаксический – с именем В. Порцига, в работах которого в фокусе находятся соответственно синтагматические отношения между языковыми единицами. Однако, как отмечает Л. М. Васильев [Васильев, 1971, с. 108], были и такие учёные, которые изучали классы слов, связанные и парадигматическими, и синтагматическими отношениями, т.е. **комбинированные** (или **комплексные**) поля. Рассмотрим каждый из подходов подробнее.

1. Парадигматический подход

К парадигматическим полям можно отнести различные классы лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам (семам или семантическим множителям), например: лексико-семантические группы слов (ЛСГ), синонимы и антонимы, совокупности связанных друг с другом значений полисемантичного слова (семантемы), словообразовательные парадигмы, части речи и их грамматические категории. Дадим краткий обзор исследований каждой из перечисленных разновидностей парадигматического поля.

а) ЛСГ. Как ЛСГ трактуют языковые поля (хотя не все их так называют) Л. Вайсгербер, Г. Ипсен, К. Ройнинг, Э. Оксар, С. Эман, О. Духачек, Ф. П. Филин, А. А. Уфимцева, С. Д. Кацнельсон, В. И. Кодухов и многие другие. Наиболее глубоко и детально концепция ЛСГ разработана в исследованиях Л. Вайсгербера, Ф. П. Филина и С. Д. Кацнельсона.

Концепция словесных полей (Wortfelder) Л. Вайсгербера (в работе «Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik» (1962)) очень близка к концепции

Й. Трира. Л. Вайсгербер также считает, что значение слова – это не самостоятельная единица поля, а структурный компонент. «Словесное поле живет как целое (als Ganzes), поэтому, чтобы понять значение отдельного его компонента, надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента» [Васильев: 109]. По мнению Л. Вайсгербера, некоторые значения поля не имеют соответствий в реальной действительности, т.е. семантическое деление системы языка определяется принципами, которые заложены в самом языке, в его семантической структуре, а не реальными отношениями в объективной действительности. Этот факт подтверждается тем, что каждый народ имеет свои принципы членения внешнего мира, свой взгляд на окружающую действительность, в результате чего семантические системы разных языков не совпадают. Поэтому необходимо искать принципы деления словарного состава на поля в самом языке.

Ф. П. Филин в работе «О лексико-семантических группах слов» (1957) при членении языковой системы использует понятие ЛСГ. Под ЛСГ он понимает лексические объединения с однородными, сопоставляемыми значениями, представляющие собой специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Разновидностями ЛСГ, как он полагает, являются синонимические ряды, антонимы и даже лексические группировки с родовидовыми отношениями. От ЛСГ Ф. П. Филин отделяет словопроизводные («гнездовые») объединения слов, грамматические классы, комплексы значений многозначных слов и тематические группы (например, названия частей человеческого тела, термины скотоводства и т.д.). Чёткая постановка вопроса о ЛСГ в указанной статье Ф. П. Филина получила одобрение и признание со стороны многих лингвистов (например, чешского ученого Й. Филипца, см. его труд «Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie» (1961)) и явилась теоретическим фундаментом целого ряда практических исследований по лексико-семантическим группам.

С. Д. Кацнельсон в книге «Содержание слова, значение и обозначение» (1965) считает крайне необходимым изучение структуры ЛСГ (или понятийных полей – согласно терминологии автора), не отрицая при этом важности исследования других отношений в языке (например, синонимических, метафорических, метонимических и т.д.).

б) Синонимы и антонимы. Работа по изучению ЛСГ тесно связана с изучением синонимов и антонимов, также являющихся разновидностями семантических полей, в частности ЛСГ. Впервые синонимы и антонимы начал рассматривать как семантические поля А. Йоллес («Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur» (1934)). Ф. П. Филин, как упоминалось выше, тоже считает синонимы и антонимы разновидностями ЛСГ.

в) Семантемы. В терминологии Л. М. Васильева [Васильев, 1971, с. 111] семантема - это совокупность (комплекс) связанных друг с другом значений полисемантичного слова, т.е. глобальное содержание лексемы (словоформы). Поскольку семемы, составляющие семантему, имеют обычно общие признаки (семы или семантические множители), их тоже можно рассматривать как семантические поля. Именно так и поступил А. Рудскогер («Fair, foul, nice, proper. A contribution to the study of polysemy» (1952)), выделяя наряду с «понятийными полями» (значениями) многозначного слова его «понятийные сферы», т.е. совокупности (классы) его близких друг к другу значений.

г) Словообразовательные парадигмы. В историко-этимологическом плане словообразовательные поля впервые были исследованы П. Гиро («La semantique» (1964)) и М. Конрадтом-Хикингом («Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnfeld)?» (1956)). Морфосемантическое поле Гиро (так в его терминологии называются словообразовательное поле) – это комплекс отношений форм и смыслов, образуемых совокупностью слов, а словесное поле Конрадта-Хикинга (термин автора) – класс сложных слов, характеризуемых семантической и звуковой общностью отдельных их компонентов. О синхронном аспекте словообразовательных полей пишут также О. Г. Ревзина («Структура

словообразовательных полей в славянских языках» (1969)) и Г. С. Зенков («Вопросы теории словообразования» (1969)).

д) Части речи и их грамматические категории. По мнению О. П. Суника [Суник, 1966, с. 20-21], части речи – это тоже парадигматические поля, т.е. семантико-грамматические классы слов, тождественных по синтагматическим семам предметности, атрибутивности, предикативности и т.д. Поскольку в основе тождества этих классов лежат синтагматические семы и соответствующие им синтаксические позиции, их по праву называют также «синтаксическими классами». Как наиболее общие семантико-синтаксические классы слов части речи имеют двоякое внутреннее членение: с одной стороны, они подразделяются на такие подклассы слов (грамматико-лексические поля), как одушевленные и неодушевленные существительные, качественные и относительные прилагательные, глаголы действия и состояния и т.д., с другой — на классы словоформ (специфические для каждой части речи грамматические поля), объединенных инвариантными грамматическими значениями (категориями) падежа, числа, лица, времени, наклонения и проч. К этому вопросу обращался в своих трудах, например, В. Г. Адмони [Адмони, 1964, с. 47-51], [Адмони, 1967, с. 25-27]. Известно, что одно и то же значение («понятийная категория» [Мещанинов, 1945, с. 195-198], [Есперсен, 1958, с. 399]) может выражаться в одном и том же языке, не говоря уже о разных языках, и лексическими, и грамматическими средствами. В таких случаях мы имеем дело с понятийными (функционально-семантическими) полями (термин встречается у А. В. Бондарко, например, в работе «К проблематике функционально-семантических категорий» (1967)). Как отмечает Л. М. Васильев [Васильев, 1971, с. 112], от семантических (по способам выражения – лексических, грамматических и лексико-грамматических) классов слов и словоформ следует отличать формально-грамматические классы, например, прилагательные и наречия или предлоги и союзы в их противопоставлении друг другу, типы склонения у существительных, типы спряжения у глаголов и проч., т.к.

последние выделяются не по смысловым, а по чисто формальным признакам слов. Более детально на полевом подходе к частям речи мы остановимся в следующем параграфе, т.к. он является основным объектом настоящего исследования.

2. Синтагматический подход

Синтагматическими полями можно назвать классы слов, тесно связанных друг с другом по употреблению, но никогда не встречающихся в одной синтаксической позиции [Васильев, 1971, с. 112]. Первым такие поля начал изучать немецкий филолог В. Порциг (см. его работы «Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen» (1934), «Das Wunder der Sprache» (1962)), который обратил внимание на семантически обусловленные соотношения слов, объединяющие в своем составе глагол и существительное со значением субъекта действия (агенса), глагол и существительное со значением объекта действия, глагол и существительное со значением инструмента действия, прилагательное и существительное и т.д. Дальнейшее развитие эта теория поля получила в статье Г. Мюллера «Словесное поле и языковое поле» (1957). Под словесным полем (Wortfeld) лингвист подразумевает «понятийное поле», а под «языковым полем» (Sprachfeld) – «синтаксическое поле», т.е. ряд слов (словоформ), объединенных каким-либо синтаксическим значением (значением синтаксического отношения) [Кузнецова, 1963, с. 26-27]. Синтагматические поля В. Порцига и Г. Мюллера демонстрируют реальные группировки слов по их валентным свойствам. Эти группировки, как показали многочисленные исследования по лексической и грамматической сочетаемости, могут быть двух типов [Васильев, 1971, с. 113]. С одной стороны, слова объединяются в синтагму (синтагматическое поле) только на основе общности их синтагматических сем, т.е. семантической сочетаемости. С другой стороны, слова объединяются в синтагму не только на основе общности их синтагматических сем (семантической сочетаемости), но и на основе общности их нормативных валентных свойств (лексической и грамматической сочетаемости). Группировки первого типа представляют собой смысловые (или

семантические) синтагматические поля, группировки второго типа – формальные (или нормативные) синтагматические поля. Поскольку в основе обоих этих типов лежат синтагмы (семантические или грамматические, формальные), их структура определяется валентными свойствами членов синтагмы.

3. Комплексный подход

Комплексные поля образуются при сложении парадигматических и синтагматических полей. Такими полями являются, например, словообразовательные ряды, включающие слова разных частей речи вместе с их парадигматическими коррелятами, неоднородные по инвариантным значениям частей речи лексико-семантические группы и т.д. Вообще говоря, с комплексными семантическими полями мы имеем дело во всех тех случаях, когда позиции абстрактной семантической синтагмы заполняются не отдельными конкретными семемами, а их парадигматическими классами (=парадигматическими полями) [Васильев, 1971, с. 113].

Выводы по параграфу 2.1

В разработке семантических полей существует 3 основных подхода: парадигматический, синтагматический (синтаксический) и комплексный. В настоящей работе мы исходим из положения, что части речи – это семантико-грамматические классы слов, тождественных по синтагматическим семам предметности, атрибутивности, предикативности и т.д. Поэтому в исследовании используется парадигматический подход к изучению полей частей речи.

2.2. Функционально-семантические и грамматические поля

Наряду с рассмотрением полей как парадигматического, синтагматического или комплексного явления, в лингвистической науке существует тенденция трактовать поле как межуровневое явление. Г. С. Щур утверждает, что начало такому подходу, хотя и без использования термина «поле», было положено Ф. Брюно («La pensée et la langue» (1922)) и О. Есперсеном («Философия грамматики» (1924)), однако интерпретация межуровневых явлений как поля прежде всего характерна для Л. Вайсгербера («Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik» (1962)), который изучал явление аспектуальности с точки зрения различных средств его выражения в разных языках [Щур ,1974, с. 64].

Помимо названных трудов, анализу разноуровневых средств выражения, служащих для передачи в языке одинаковых отношений, а вернее, смыслов и значений, посвящен ряд работ, в которых подобная совокупность средств интерпретируется как **поле**. Во всех этих исследованиях определяющим и характерным обстоятельством является то, что в них совмещаются по существу два важнейших подхода в лингвистике: 1) семасиологический (от языковой формы к содержанию), согласно которому организация языковых единиц приобретает линейную структуру, т.е. анализ значений концентрируется в пределах отдельных грамматических единиц, их категорий и форм; 2) ономасиологический (от содержания к языковой форме), который исключает линейное построение материала и при использовании которого языковой материал передается по логико-семантическим группам [Есперсен, 1958, с. 183]. О наличии названных ведущих направлений в истории лингвистики свидетельствуют работы многих языковедов – В. Матезиуса, Ф. Брюно, О. Есперсена, Г. Аренса и др. Несмотря на то, что эти подходы именовались по-разному в терминологии каждого из авторов (формальным и функциональным у В. Матезиуса, традиционным и логическим у Ф. Брюно, морфологическим и синтаксическим у О. Есперсена, эмпирическим и рациональным Г. Аренса и

т.д.), их суть оставалась неизменной. Опираясь на традицию, связанную с расширительным истолкованием терминов «семасиология» и «ономасиология», которая идет от Й. Филипца и М. Докулила, большинство учёных называют эти направления ономасиологическим и семасиологическим.

Основанием для отнесения некой совокупности средств к полю служит наличие общего семантического признака, который может иметь как грамматическую, так и лексическую природу (т.к. обнаруживается у разноуровневых явлений), но определяющую роль при рассмотрении межуровневых явлений как поля играет их функциональная сторона. Таким образом, «функция» как отдельная структура языка приобретает особое значение в рамках ономасиологического и семасиологического подходов к полевому анализу межуровневых явлений. Стоит отметить, что понятие языковой функции является одним из важнейших в лингвистике, однако впервые оно детально изучается в концепции Пражского лингвистического кружка (ПЛК). У языковедов ПЛК это понятие основывается на представлении о языковых функциях немецкого языковеда К. Бюлера [Бюлер, 1993, с. 121]. По мнению К. Бюлера, психические способности человека мыслить, чувствовать и выражать волю породили три функции языка – коммуникативную (функцию сообщения), функцию выражения и функцию обращения. Пражские лингвисты (В. Матезиус, Б. Трнка, В. Скаличка, Р. Якобсон и др.) развили представление о языке как о функциональной системе, определяя язык как систему средств выражения, служащих конкретной цели [Самарин, 2012, с. 192]. Введение понятия функции привело к установлению так называемой телеологической (т.е. целевой) точки зрения, согласно которой любое языковое явление следует оценивать с позиции, к которой оно направлено [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 58]. С понятием функция тесно связан термин функционально-семантическое поле, который был разработан в советском языкознании в 60–70-х гг. XX в. А. В. Бондарко [Бондарко, 1984, с. 67].

Изучение глубокого взаимодействия средств разных уровней на примере аспектуальности и темпоральности привело известного грамматиста А. В. Бондарко к построению модели функционально-семантического поля, куда входят и лексические, и грамматические средства языка, имеющие общие семантические функции.

Функционально-семантическое поле (ФСП) – это система разноуровневых средств языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории [Бондарко, 2013, с. 24; Бондарко, 2005, с. 17-18]. Термин ФСП связан с представлением о группировке (упорядоченном множестве) взаимодействующих языковых средств и их системно-структурной организации. В основе каждого функционально-семантического поля лежит определённая семантическая категория – тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обусловливает их взаимодействие. Каждый семантический вариант в рамках данного ФСП связан с определёнными средствами формального выражения. ФСП представляет собой двустороннее (содержательно-формальное) единство, охватывающее конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания [Бондарко, 1983, с. 56].

Функционально-семантическое поле имеет центр — группу форм, наиболее чётко и однозначно выражающих значение данного поля. Вокруг центра, постепенно удаляясь от него, располагаются периферийные формы. Через периферию каждое поле вступает путём пересечений и постепенных переходов в пределы других полей, так что, в конечном счете, все поля образуют одну непрерывную структуру системы языка [Бондарко, 2005, с. 17-20].

Кроме трудов А. В. Бондарко в области функциональной грамматики выделяются также работы В. М. Павлова. Лингвиста прежде всего интересуют такие вопросы, как полевой принцип строения языковой системы, поле как

воплощение континуального начала в языковой системе, проблема классификации единиц этой системы. Также В. М. Павлов пишет о «полевом подходе» к изучению противоположных свойств языковых системных объектов – прерывности (дискретности) и непрерывности (континуальности) [Павлов, 1998, с. 28-40].

Среди ФСП можно выделить не только ФСП, идентичные функционально-семантическим категориям (например, темпоральность, модальность, залог), но и ФСП с функционально-семантическим вариантом, выраженным средствами только одного уровня. Это т.н. грамматические или грамматико-лексические поля [Матвеева, 2014, с. 343], которые представляют особый интерес для настоящего исследования. Грамматическое или грамматико-лексическое поле можно определить как совокупность взаимодействующих средств, образующих систему [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 8-9]. Такое поле характеризуется рядом признаков: 1) наличием инвентаря или набора средств, связанных между собой системными отношениями (средства, входящие в состав поля, становятся его констинуентами); 2) наличием общего значения, которое в той или иной мере присуще констинуентам поля; 3) общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными, или полярными, каждое из этих значений образует микрополе; 4) поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой; 5) в большинстве полей выделяется т. н. доминанта, т.е. констинуент поля а) наиболее специализированный для выражения данного значения, б) передающий его наиболее однозначно, в) систематически используемый [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 9-10].

Как отмечает Е. Л. Ляпичева, существенное внимание определению поля и его основным свойствам было уделено в коллективной монографии под ред. З. Д. Поповой. Авторы работы «Полевые структуры в системе языка» (под ред. З. Д. Поповой) считают предметом исследования в теории поля группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими

значения, или по общности выполняемых ими функций, или на основе комбинации двух признаков. Под полевой структурой они понимают объединение разных элементов системы языка: лексико-семантических, лексико-грамматических, семантических (семантема, семема). Сам термин поле обозначает для них не группировку, а принцип организации группировки, т.е. характеризуется основными признаками поля. Полевая модель утверждает представление о языке как о системе взаимодействующих и взаимопроникающих подсистем.

Выводы по параграфу 2.2

Функционально-семантическое поле (ФСП) понимается учёными-лингвистами как система средств языка разного уровня, взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории. Разновидностью ФСП является грамматическое или грамматико-лексическое поле, которое можно определить как ФСП с функционально-семантическим вариантом, выраженным средствами только одного уровня.

2.3. Краткая история полевого подхода к частям речи

О сложности соотношения единиц внутри каждой части речи и о наложении классов слов друг на друга лингвисты заговорили еще в 20-30-е гг. прошлого века, хотя термины «грамматическое поле» и «полевой подход» в языкознании появились гораздо позже, в 60-е гг. Важное значение для зарождения и развития полевого подхода к частям речи имеет работа Льва Владимировича Щербы «О частях речи в русском языке», впервые опубликованная в 1928 г. В работе Л. В. Щербы отмечается, что научных классификаций слов может быть много: по значению, по морфологическим свойствам и т.д., однако классификация по частям речи — нечто иное: «В вопросе о «частях речи» исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо учёным и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее... какие общие категории различаются в данной языковой системе» [Щерба, 1957, с. 64]. У этих категорий должны быть «какие-либо внешние выразители», но эти выразители, разные в разных языках, нельзя считать определяющими сущность частей речи: «Едва ли мы потому считаем стол, медведь за существительные, что они склоняются; скорее мы потому их склоняем, что они существительные» [Щерба, 1957, с. 64]. Таким образом, части речи – не морфологические и не синтаксические классы слов, в то же время Л. В. Щерба против и того, чтобы выделять их целиком по значению. Но тогда что такое «навязывание» классификации языковой системой? Л. В. Щерба прямо не отвечает на этот вопрос. «Однако, по существу, здесь речь идет именно о том, какая классификация «навязывается» не только языковой системой (она может навязывать разные классификации), а психолингвистическим механизмом человека; какие единицы лексики связаны между собой в человеческом сознании» [Алпатов, 2005, с. 236]. Отсюда и допустимость для Л. В. Щербы пересечений частей речи, возможность некоторых слов оставаться вне классификации, чего не было в работах его

предшественников. Работа Л. В. Щербы интересна и его конкретными решениями; в частности, он предложил выделять для русского языка особую часть речи – категорию состояния, куда входят слова типа надо, нельзя и т.д., что также имеет психолингвистические основы.

Большое значение для формирования полевого подхода к частям речи также имеют работы структуралистов. Например, в работах Г. Глисона и Дж. Следда, как отмечает И. П. Иванова [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981, с. 19], большое внимание уделяется неоднородности свойств тех или иных единиц внутри определённых лексико-грамматических разрядов. На этом утверждении основывается предлагаемое ими подразделение слов на более узкие группы, содержащие те единицы, которые по всем своим признакам имеют право быть причисленными к данной части речи, и более широкие, куда входят и единицы, обладающие только частью необходимых признаков. (Ср. основной принцип полевого подхода: каждая часть речи содержит ядерные и периферийные единицы.)

Примечательны суждения чешских лингвистов-продолжателей идей Пражского лингвистического кружка (ПЛК) о соотношении центра и периферии в языковой системе. По мысли Ф. Данеша, «классы (и подклассы) элементов должны рассматриваться не как «ящики» («boxes») с чёткими границами, а как структуры с компактным ядром (центром) и постепенным переходом к диффузной периферии, которая, в свою очередь, постепенно переходит (проникает) в периферийную сферу ближайшей категории» [Daneš, 1966, с. 11]. Отношение «центр-периферия» трактуется как универсальное свойство языка, лингвистическая универсалия. К проблеме «нечёткости» («vagueness»), «неопределённости» («uncertainty») границ грамматических классов обращается также И. Неуступны [Neustupný, 1966, с. 39].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. были окончательно сформулированы основные положения теории переходности и синкретизма применительно к грамматической системе языка (В. В. Бабайцева, В. Г. Адмони, Г. С. Щур).

В. В. Бабайцева, например, обращает внимание на соответствие формы и содержания ядерных явлений (типичных грамматических единиц, обладающих полным набором дифференциальных признаков) и нарушение этого баланса в синкретичных явлениях (совмещающих свойства двух противопоставленных ядерных единиц).

Теория поля, появившаяся в немецкой лингвистике, в советском языкознании нашла свое отражение прежде всего в исследованиях немецкого языка. Теория полевой структуры получила интересную интерпретацию в трудах В. Г. Адмони, направленных на исследование особенностей немецкого языка. Самое главное, что характеризует полевую структуру, - это полнота и максимальная интенсивность признаков в центре структуры и их разреженность и ослабление на периферии: «Центр (сердцевина) образуется при этом оптимальной концентрацией всех совмещающихся в данной единице признаков. Периферия состоит из большего или меньшего числа образований разной емкости (иногда сводящихся к отдельному слову или к отдельной форме слова) с некомплектным числом этих признаков, то есть с отсутствием одного или нескольких из них, или при их измененной интенсивности, и с факультативным наличием других признаков» [Адмони, 1964, с. 49]. Как один из вариантов полевой структуры рассматривается частичное совпадение полей разных грамматических единиц, т.е. наличие у двух полей общего сегмента. Отмечается неравномерная насыщенность разных секторов периферии, более или менее равномерно удаленных от ядра, теми или иными признаками данной единицы. Таким образом, периферия является асимметричной. Наличие полевой структуры В. Г. Адмони связывает с множественностью и неоднородностью признаков, свойственных разным сторонам, формам и проявлениям рассматриваемых объектов. В качестве одного из примеров переходности грамматических явлений приводится категория состояния в русском языке, которая по своим морфологическим свойствам совпадает с наречием, а по синтаксической (предикативной) функции сближается с глаголом [Адмони,

1964, с. 47-49]. Как заключает А. В. Бондарко [Бондарко, 2005, с. 14], «в работах В. Г. Адмони содержится целостная и детальная характеристика наиболее существенных сторон рассматриваемого аспекта системно-структурных отношений в строе языка», и эту характеристику «важно учитывать в настоящее время».

В книге Г. С. Щура «Теория поля в лингвистике» (1974) подробно описывается теория морфологического (грамматического) поля. Теоретик полевой модели системы языка Г. С. Щур определил поле как способ существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными свойствами. В каждой части речи существуют единицы, полностью обладающие всеми признаками данной части речи; это её ядро. Но существуют и такие единицы, которые не обладают всеми признаками данной части речи, хотя и принадлежат к ней. Поле, следовательно, включает центральные и периферийные элементы, оно неоднородно по составу. Задача лингвиста заключается в том, чтобы определить состав поля, выявить центральные и периферийные элементы и определить, по каким признакам они близки к другим частям речи.

Важную роль в проблеме разграничения частей речи играет монументальный труд В. В. Виноградова «Русский язык». Академик Виноградов отмечал динамичность системы классов слов в языке, хотя и не писал непосредственно о полевой структуре частей речи и вообще не использовал термин «поле». Это можно подтвердить следующей цитатой из «Русского языка»: «Ближе и теснее всего связи имён существительных с категориями имён прилагательных и наречий. Имя существительное нередко выполняет те же синтаксические функции, что и наречие, и прилагательное. Между существительными и прилагательными, между существительными и наречиями намечаются переходные ступени» [Виноградов, 2001, с. 51]. Таким образом, классы слов в работе В. В. Виноградова рассматриваются как незамкнутые,

открытые и подвижные образования, не имеющие чётких границ. Такое понимание частей речи очень близко к теории полевой структуры классов слов.

Выводы по параграфу 2.3

Теория поля появилась прежде всего в немецкой лингвистике. В России Л. В. Щерба был одним из первых лингвистов, допускавших пересечения частей речи и возможность некоторых слов оставаться вне классификации.

Важную роль для формирования полевого подхода к частям речи сыграли работы структуралистов (Г. Глисон и Дж. Следд), в которых большое внимание уделяется неоднородности свойств единиц внутри определённых лексико-грамматических разрядов.

О нечёткости границ грамматических классов и отношении «центр-периферия» также писали чешские учёные-продолжатели идей ПЛК Ф. Данеш и И. Неуступны.

Основные положения теории переходности и синкретизма применительно к грамматической системе языка были сформулированы в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. В этой связи стоит отметить В. В. Бабайцеву, В. Г. Адмони, Г. С. Щура и В. В. Виноградова. В. В. Виноградов не писал непосредственно о полевой структуре частей речи, но признавал динамичность системы классов слов в языке.

Итак, мы сделали краткий обзор работ, посвященных теории полевой структуры частей речи. Следующий параграф будет посвящен рассмотрению теоретических аспектов полевого подхода к классам слов, его характерным особенностям и чертам.

2.4. Теоретические аспекты полевого подхода к частям речи

Полевая модель системы языка имеет разнообразные применения и интерпретации. Предмет исследования теории поля в современной лингвистике составляют группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип).

Выделяемые на основании этих признаков группировки – поля – представляют собой системные образования с характерными для любой системы связями и отношениями вместе с тем обладающие собственными специфическими чертами. Поле имеет особую структуру – ядро + периферия, – для которой характерна максимальная концентрация полеобразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии. Специфика поля как способа существования объекта характеризуется явлением аттракции, которое заключается в том, что благодаря существованию данной группы элементов с общим признаком в неё включаются новые элементы с таким же признаком и этот синтагматический по своему происхождению признак закрепляется у данного элемента. Другой важной характеристикой поля служит возможность пересечения отдельных полей, которое приводит к образованию общих сегментов, зон семантического перехода. Переход от ядра к периферии также осуществляется постепенно, вычленяется ряд периферийных зон, в разной степени удаленных от ядра.

Как всякое системно-структурное объединение, поле имеет определенную конфигурацию (структуру). Понятие конфигурации поля подразумевает существование определенных группировок элементов внутри данного множества, пересечение отношений в структуре, наложение связей. Поле может иметь в своем составе несколько микрополей, обладающих относительной самостоятельностью.

На основании имеющихся описаний и трактовок основными признаками языкового поля можно считать следующие (согласно Е. В. Муруговой):

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой структурными отношениями.
2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.
3. Поле может объединять однородные и разнородные элементы.
4. В структуре поля выделяются микрополя.
5. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конституенты.
6. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты. Периферия имеет зонную организацию.
7. Ядерные конституенты наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конституентами и обязательны для поля.
8. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций; часть функций приходится на ядро, часть - на периферию.
9. Граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии является нечёткой, размытой.
10. Конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот.
11. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов.

Части речи как лексико-грамматические классы слов обладают всеми признаками полевой структуры: слова, принадлежащие к одной части речи, имеют единое категориальное значение и выполняют в языке одинаковые функции; внутри каждой части речи выделяется ядро и периферия; слова, относящиеся к ядру данной части речи, наиболее ярко характеризуют этот

лексико-грамматический класс, однозначно выполняют в предложении свойственную ему синтаксическую функцию; разные части речи частично накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов и демонстрируя тем самым один из законов языкового поля.

Следует отметить, что вопрос о критериях выделения ядра и периферии в сфере частей речи является дискуссионным. Р. М. Гайсина [Гайсина, 1988, с. 31-38] указывает на три различных подхода к разграничению ядра и периферии частей речи.

1. Во-первых, ядро и периферия разграничиваются на основе характера соотношения вещественного и частеречного значений в семантике слов. При таком подходе к ядру части речи относятся слова, в семантике которых отмечается гармония вещественного и частеречного значения.
2. Второй подход к выделению ядра и периферии части речи предполагает в качестве определяющего признака характер материальной отмеченности грамматических категорий, свойственных той или иной части речи. К ядру, в этом случае, будут относиться слова, в которых грамматические категории, свойственные данной части речи, имеют полное морфологическое выражение, к периферии - слова, в которых выражены не все из характерных для данной части речи грамматических категорий.
3. Третий подход к выявлению ядра и периферии части речи является комплексным и учитывает наличие в ядре данной части речи всего комплекса её дифференциальных признаков (семантических, морфологических, синтаксических). Этот подход предложен В. В. Бабайцевой. «Центр (ядро) включает слова, типичные для данной части речи, т.е. слова характеризующиеся полным набором дифференциальных признаков… На периферии располагаются слова и группы слов, у которых отсутствуют или не ярко выражены какие-

либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи. Их отсутствие или ослабление возмещается появлением каких-либо дифференциальных признаков сопоставляемого полярного типа (другой части речи)» [Бабайцева, 1983, с. 37].

Разграничивая части речи, мы делаем это на основании наиболее ярких дифференциальных признаков, присущих каждой из них. Наиболее яркие дифференциальные признаки всегда присущи ядру структуры. Таким образом, отграничивая друг от друга части речи, мы тем самым отграничиваем друг от друга их ядра. Периферии же частей речи могут частично совпадать и накладываться друг на друга, поскольку границы между частями речи обладают известной подвижностью.

И. В. Высоцкая приводит интересную интерпретацию проблемы распределения слов по частям речи: она сравнивает эту проблему с проблемами цветовой концептуализации [Высоцкая, 2008, с. 208]. И. В. Высоцкая пишет о том, что состав основных цветов устанавливается по-разному: три (в колористике это красный, желтый, синий), четыре (с учетом данных нейрофизиологии к трем названным добавляют зеленый), шесть (с добавлением к четырем двух нейтральных – белого и серого), семь (если идти «вслед за радугой»). Так называемые непервичные цвета (или оттенки) описываются в терминах пересечения первичных цветов, рассматриваются как цветосочетания. Количество возможных оттенков, получаемых путём смешения цветов, практически не ограничено и может быть расширено до бесконечности. Сходную картину можно наблюдать и в отношении частей речи: сложность установления их ядерного состава, трудности в упорядочивании синкретичных образований и их квалификации, неисчерпаемость пересечений и открытость системы. Цветовые и частеречные аналогии не безосновательны, отмечает И. В. Высоцкая, если учесть распределение семантических и грамматических типов в мозге [Иванов, 2004, с. 60-70].

Однако стоит отметить существенные различия между «классическими» полевыми структурами, которыми обладают физические явления, и полевыми структурами в грамматике. Главной особенностью грамматического поля является неравномерная насыщенность разных секторов периферии, более или менее равномерно удаленных от ядра, теми или иными признаками данной единицы. Вообще, как отмечает В. Г. Адмони [Адмони, 1964, с. 51], формироваться и располагаться эта периферия может разнообразными способами — она асимметрична. Поэтому употребление термина «полевая структура» в грамматике имеет до известной степени лишь условное значение. Но это все же и не простая метафора, потому что здесь сохраняется самое главное, что характеризует полевую структуру: полнота и максимальная интенсивность признаков в центре структуры и их разреженность и ослабление на периферии. Частным, но очень существенным случаем полевой структуры грамматических единиц является частичное совпадение полей разных единиц, то есть наличие у двух полей общего сегмента. В. Г. Адмони предлагает следующее визуальное представление полевой структуры частей речи [Адмони, 1964 , с. 51]: «Если представить структуру грамматических единиц чертежом-схемой, то эта схема должна состоять из ряда кругов, накладывающихся друг на друга так, что их центры совпадают, но внешние контуры расходятся, иногда весьма значительно, причем они многообразно пересекаются с другими кругами — символизирующими другие грамматические единицы». Для наглядности приведем иллюстрацию грамматических полей из «Общего языкознания» З. Д. Поповой и И. А. Стернина [Попова, Стернин, 2007, с. 205]:

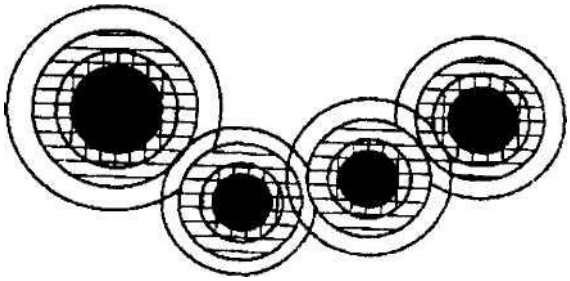

Схема №2.

Выводы по параграфу 2.4

В этом параграфе мы рассмотрели полевой подход к частям речи, выявили характерные черты грамматического поля и его отличия от «классической» полевой структуры физических явлений. Главным характерным признаком грамматического поля является асимметрия, т.е. неравномерная насыщенность секторов периферии.

Также был затронут вопрос разграничения ядра и периферии. Единицы, принадлежащие к ядерной зоне, обладают максимально яркими дифференциальными признаками рассматриваемой части речи. Периферии частей речи могут накладываться друг на друга и совпадать, поэтому единицы этой зоны облажают дифференциальными признаками сразу нескольких классов слов.

Глава 3. Анализ чешских наречий в аспекте теории полевой структуры и взаимопроницаемости частей речи

3.1. Неоднородность класса наречий как следствие процессов адвербиализации в чешском языке

Наречие является древним лексико-грамматическим классом слов во всех славянских языках. Однако основную часть адвербиальной лексики славянских языков (в том числе и чешского) составляют не первичные, а производные по своему происхождению наречия, которые возникли как результат исторического развития языка, а именно действия процессов адвербиализации [Янович, 1977, с. 39].

Именно благодаря этим процессам наречие – один из наиболее неоднородных по своему составу классов слов чешского языка, что подтверждает большое количество мотивированных наречий, образованных от различных частей речи. База для образования таких наречий обширна, её составляют, в частности:

- полные и краткие прилагательные (*pozlém* по-плохому, *podobrém* по-хорошему; *sychravo* пасмурно, *nadlouho* надолго);
- существительные (*ráno* утром, *úhrnem* итого, *občas* иногда);
- числительные (*poprvé* впервые, *zajedno* заодно);
- местоимения (*mezitím* между тем, *potom* потом);
- глагольные формы (*sedě* сидя, *vyjma* кроме).

Таким образом, морфологический состав наречий свидетельствует об их тесной связи с другими классами слов и об интенсивных процессах адвербиализации в ходе развития языка.

Однако для всех языков, в том числе и для близкородственных, этот процесс имеет свою специфику [Васильева, 2004, с. 53], поэтому остановимся более подробно на явлении адвербиализации именно в чешском языке и попытаемся определить его причины и предпосылки.

Адвербиализация – это переход лексем различных частей речи в класс наречий без использования специальных словообразовательных аффиксов. Способы образования мотивированных наречий довольно многомерны, однако возможно выделить некоторые общие принципы адвербиализации. Этими общими закономерностями являются:

1) выпадение некоторых форм из системы словоизменения исконной части речи, их изоляция;

2) утрата формами своих морфологических признаков и синтаксических свойств (например, утрата парадигмы словоизменения, ограничение сочетаемости в предложении) и приобретение грамматического значения наречия;

3) приобретение формами особого обстоятельственного лексического значения.

Следует отметить, что адвербиализация – это не только диахронический процесс образования наречий, достигший своего завершения, но и синхронная тенденция современного чешского языка.

Принято выделять два основных типа адвербиализации. Это, с одной стороны, адвербиализация в узком смысле (т. н. **лексическая адвербиализация**), т.е. адвербиализация беспредложных или предложных падежных форм имён и глагольных форм. С другой стороны, это адвербиализация в широком смысле (**фразеологическая адвербиализация**), т.е. адвербиализация различных устойчивых выражений, оборотов и изречений [Mluvnice češtiny 1, 1986, с. 498-499]. К последнему типу адвербиализации примыкают т. н. **перифрастические наречия** [Брож, 1971, с. 14].

Проанализируем каждый из названных типов адвербиализации в чешском языке.

1. **Лексическая адвербиализация**.

1) Этот тип адвербиализации представлен в разрезе падежных и предложно-падежных форм существительных (например: *nahoru* наверх, *dokola*

кругом, вокруг), которые выполняют в предложении функцию обстоятельства и, соответственно, приобретают в этой функции особое обстоятельственное значение места, времени, меры, степени, образа действия и проч.

2) Также в класс наречий могут перейти формы именительного падежа существительных в составе односоставных назывных предложений, что связано с потерей ими предложенческого характера и приобретением чисто оценочного значения и обстоятельственной функции. Приведем примеры: *Div!* удивительно, *Hrůza!* ужасно, *Škoda!* жалко.

3) Адвербиализации подвержены и формы винительного падежа существительных, ср.: *Počkej* ***chvíli / chvílku // trochu / trošku****!* Подожди **минуту / минутку // немного / немножко**! Этот процесс может быть объяснен приобретением подобными формами наречного значения меры и степени.

4) Довольно распространённым процессом лексической адвербиализации в чешском языке является адвербиализация форм творительного падежа существительных. Это объясняется тем, что вообще все формы творительного падежа существительных в функции сравнения и образа действия очень близки по значению наречиям, т.е. потенциально находятся на полпути к адвербиализации. Об адвербиальном значении творительного падежа писали такие известные лингвисты, как, например, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. В. Исаченко и В. В. Виноградов. Ср. в чешском языке: *kvapem* поспешно, *letem* быстро, *proudem* непрерывно, потоком, рекой. Для подтверждения сказанного приведем несколько примеров с контекстом:

- *Silvestr se* ***kvapem*** *blíží, pozor při nákupu pyrotechniky*[1]. Новый год **стремительно** приближается, будьте внимательны при покупке пиротехники[2]. (Обстоятельственное значение образа действия.)
- *Žena* ***letem*** *utíká domů.* Женщина **быстро** бежит домой. (Обстоятельственное значение образа действия.)

[1] Здесь и далее контексты приводятся из материалов Национального корпуса чешского языка (syn2015) и чешского Интернета (поисковая система – Google.cz).

[2] Здесь и далее перевод на русский язык осуществляется по возможности дословно для более точной передачи смысла.

- *Pivo a tvrdý alkohol tu tečou* ***proudem***. Пиво и крепкий алкоголь здесь текут **рекой**. (Обстоятельственное значение сравнения, = «как река».)

Адвербиализация существительных объясняется двумя основными причинами: сужением круга согласующихся с существительным определений и изоляцией определённой падежной формы существительного [Виноградов, 2001, с. 315-316]. Также адвербиализация существительных возможна благодаря их способности к изменению предметного значения на значение обстоятельственное путём абстракции (ср. *na hoře = «на горе»* → *nahoře = «в верхней части предмета»*) [Rusinová, 1977, с. 121].

5) Лексической адвербиализации подвергаются также предложные и беспредложные падежные формы полных и кратких прилагательных (*mlhavo* туманно, *zdaleka* издалека, *mimojiné* между прочим), выступающих в предложении в функции обстоятельства.

Наречия, образованные путём адвербиализации, могут сохранять в своем составе вышедшие из употребления слова и грамматические формы, например, формы косвенных падежей кратких прилагательных (*zkrátka* кратко, *zpříma* прямо, напрямик). Таким образом, адвербиализация кратких прилагательных или сочетаний предлог + краткое прилагательное в косвенном падеже может быть объяснена изоляцией кратких прилагательных в чешском языке, ограничением области их употребления, утратой ими системы склонения.

Причиной адвербиализации полных прилагательных является приобретение ими в предложении обстоятельственной функции и, следовательно, обстоятельственного значения.

6) Предпосылкой для адвербиализации местоимений и числительных (*nadto* сверх того, *nadevše/cko* больше всего; *zatřetí* в-третьих, *jednou* однажды) также служит выполнение ими функции обстоятельства, застывание предложных форм и выпадение некоторых падежных форм из парадигмы словоизменения. Однако в отличие от приведенных выше видов адвербиализации адвербиализация предложных и беспредложных форм

местоимений и числительных является непродуктивной в современном чешском языке, что связано, в частности, с замкнутостью этих классов слов.

7) На синхронном срезе также неактуальна адвербиализация деепричастий, которые являются малоупотребительными в современном чешском языке. Однако в диахроническом плане адвербиализация деепричастий была довольно продуктивным процессом (*nehledě* несмотря, *vkleče* стоя на коленях), т.к. деепричастия - это гибридная глагольно-наречная категория, внутри которой уже заложены предпосылки для процесса адвербиализации. С наречиями деепричастия сближает сходная адвербиальная семантика, а именно обстоятельственное значение образа действия. Именно наличие общего понятийного сегмента и функция обстоятельства являются причинами перехода некоторых деепричастных словоформ в наречия. При этом переходе деепричастия лишаются практически всех значений глагольности: они теряют значения времени, вида и залога и образуют периферийную зону полевой структуры наречия.

Итак, в результате адвербиализации именные формы становятся самостоятельными неизменяемыми словами, а их состав функционально преобразуется: падежные окончания становятся суффиксами наречий, а предлоги, сливаясь с именными формами в одно слово, — префиксами. Помимо того, существительные, подвергшиеся адвербиализации, утрачивают способность определяться прилагательными, а деепричастия — управлять зависимыми словами. Адвербиализация отражается на письме в тенденции к слитному написанию бесспорных наречий, возникших из предложно-падежных форм (*podobrém* по-хорошему, *pozlém* по-плохому), и в отсутствии обособления адвербиализованных деепричастий (*četl vleže* читал лежа).

Не подлежит сомнению тот факт, что адвербиализация внесла свой вклад в лексический состав наречий. Прежде всего речь идет о лексической адвербиализации именных форм, и особенно существительных. Связано это прежде всего с тем, что существительные в силу широкого спектра своих

лексических значений (в том числе и значений падежей) наиболее легко приобретают обстоятельственные значения, а также способны приблизиться к наречиям по своим морфологическим и синтаксическим характеристикам: полностью или частично утратить словоизменение и первоначальную сочетаемость, «застыть» в определённой форме и утратить связь с парадигмой склонения.

2. **Фразеологическая адвербиализация**.

Этот процесс становится возможным тогда, когда словосочетание начинает употребляться только в определённых, однотипных конструкциях, а его значение начинает обособляться от значений составляющих его компонентов, и между ними ослабевает и постепенно утрачивается синтаксическая связь. Результатом этого процесса часто является сращение, т.е. потеря формальной и семантической самостоятельности компонентов исходного словосочетания и приобретение словосочетанием единого неделимого значения. Часто по этой причине бывшее словосочетание графически превращается в слово, ср.: *jakbysmet* снова, *buďjakbuď* в любом случае.

Также фразеологической адвербиализации активно подвергаются разные конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ или целых слов. В них реальное значение слова поглощается функцией эмоционального усиления, например: *bok po boku* бок о бок, *den ode dne* изо дня в день, *rok co rok* из года в год, *večer co večer* каждый вечер.

Этот процесс является живым и активным в современном чешском языке, чему в значительной мере способствует разговорный язык и публицистика. Ср.:

- *Ty jsi vyrost **ve vatě**, nikdy ti nehrozilo žádný nebezpečí.* Ты вырос **в тепличных условиях (в шоколаде)**, тебе никогда не грозила никакая опасность.
- *Všechno mi jde skvěle. Připadám si **ve vatě**.* У меня все прекрасно. Мне кажется, я **в шоколаде**.

В приведенных примерах фразеологизм *ve vatě* употребляется в функции обстоятельства образа действия, что и служит предпосылкой для его сближения с наречием и фразеологической адвербиализации.

4. **Адвербиальная перифрастика** близка процессу фразеологической адвербиализации, однако необходимо подчеркнуть, что перифрастические наречия не являются фразеологизмами по происхождению: они имеют описательный характер и не являются номинациями, в отличие от фразеологических единиц. Также перифрастические наречия ограничены сферой употребления (большая их часть – это выражения, характерные для научного стиля речи – *v tomto směru* в этом направлении, *z tohoto důvodu* по этой причине [Брож, 1971, с. 12-14]). Возникновение перифрастических наречий – это активный процесс, связанный с развитием языка и потребностями человеческого мышления в области науки и техники.

Вышеизложенные факты позволяют заключить, что причинами адвербиализации различных частей речи и словосочетаний являются:

- наличие общего семантического сегмента,
- единая синтаксическая функция обстоятельства в предложении,
- сближение единиц на уровне морфологии (приближение других частей речи к наречиям: утрата склонения, изоляция форм, ограничение сочетаемости, слитное написание).

Выводы по параграфу 3.1

Таким образом, морфологическая неоднородность наречий, вызванная активными адвербиализационными процессами, способствует многомерности их признаков. Многомерность признаков наречий является основой их полевой структуры, обусловливая наличие ядерной и периферийной зон. Категория наречий характеризуется не одним признаком, а их совокупностью (куда входят

семантические, морфологические, синтаксические признаки); причем слова, относящиеся к одному и тому же классу слов – наречиям, обладают этими признаками в неравной мере. Например, только качественные наречия способны изменяться по степеням сравнения, в то время как остальные наречия степеней сравнения не имеют. Также многомерность наречий проявляется в полифункциональности отдельных единиц: например, некоторые пространственные наречия могут функционировать в качестве вторичных предлогов, что объясняется близостью морфологических и синтаксических признаков этих частей речи, а также наличием общего понятийного сегмента. Ср.:

- *Ležel na pohovce,* ***uprostřed*** *protržené.* Он лежал на диване, порванном **посередине**. В приведенном примере ***uprostřed*** функционирует в качестве наречия.
- *Občas, když ho někdo přerušil* ***uprostřed*** *řeči, se nadlouho odmlčel.* Иногда, когда его кто-то прерывал **посреди** фразы, он надолго замолкал. В этом случае ***uprostřed*** – предлог.

Благодаря своей многомерности наречия представляют собой полевую структуру, открытую систему, которая обогащает другие части речи (например, предлоги, частицы, междометия, категорию состояния и проч.) и сама пополняется за счет адвербиализации и взаимопроницаемости частей речи.

3.2. Классы и разряды слов, с которыми перекрещиваются наречия в чешском языке

После проведения сбора материала путём выборки наша картотека содержит 14 177 наречий[3]. На основании анализа собранного материала[4] нами было выявлено, что в чешском языке класс наречий перекрещивается со всеми частями речи (см. схему №3):

- имя существительное (234 единицы);
- имя прилагательное (52 единицы);
- имя числительное (58 единиц);
- местоимение (7 единиц);
- глагол (4 единицы);
- междометие (52 единицы);
- предлог (46 единиц);
- союз (42 единицы);
- частица (84 единицы).

Также нами было отмечено пересечение наречий с приведенными ниже разрядами слов (см. схему №3):

- модальные слова (12 единиц);
- категория состояния (43 единицы).

Необходимо заметить, что обозначенный процесс во многих случаях является двусторонним. Этот факт еще раз обосновывает употребление нами терминов «взаимопроницаемость частей речи» и «зона синкретизма».

Выводы по параграфу 3.2

Как и любая другая часть речи, наречия определяются совокупностью семантических и грамматических (морфологических и синтаксических)

---

[3]Источниками для сбора материала послужили: Český národní korpus syn2015, Kartotéka lexikálního archivu, Nová slova v češtině 1, 2. Более подробную информацию см. в библиографическом списке.

[4]Полный список анализируемых синкретичных наречий см. в Приложении 1.

признаков. В последующих параграфах мы подробнее рассмотрим каждую из синкретичных зон и выявим, какие признаки и каким образом способствуют взаимопроницаемости отдельных частей речи и разрядов слов.

Схема №3.

3.3. Взаимопроницаемость чешских наречий и имён существительных

Как следует из приведенной выше схемы №3, зона синкретизма наречий и существительных занимает бóльшую часть периферии наречия – 37% анализируемого материала или 234 единицы нашей картотеки. Эти единицы можно разделить на несколько групп в зависимости от причин взаимопроницаемости обозначенных классов слов.

1. В зону синкретизма, безусловно, входят некоторые **адвербиализированные** существительные, которые функционируют наряду со своими омонимичными **неадвербиализированными** словоформами. Таких единиц в нашей картотеке большинство - 128[5], из них:

1) 46 единиц – адвербиализированные формы творительного падежа,
2) 66 единиц – адвербиализированные формы именительного падежа,
3) 17 единиц – адвербиализированные формы родительного или винительного падежей.

Причины адвербиализации перечисленных форм были подробно описаны нами в параграфе 3.1. Приведем несколько примеров из этого сегмента зоны синкретизма наречий и существительных.

- ***Časem*** *se oženil s krásnou ženou, kterou oblékal v Paříži, a měl dvě hezké děti, které málokdy viděl.* **Спустя некоторое время** он женился на красивой женщине, которую одевал в Париже, и имел двоих хорошеньких детей, которых редко видел. В приведенном примере ***časem*** – наречие, по происхождению – адвербиализированная форма творительного падежа единственного числа существительного *čas* в позиции обстоятельства.
- *Kolikrát vás učitelka ve škole napomenula, abyste přestali snít, neplýtvali* ***časem*** *a dělali něco pořádného?* Сколько раз вам учительница в школе

[5] Полную классификацию синкретичных зон по причинам взаимопроницаемости см. в Приложении 2.

делала замечания, чтобы вы перестали витать в облаках, не тратили зря **время** и делали то, что полагается? В этом случае ***časem*** – существительное *čas* в форме творительного падежа единственного числа в позиции дополнения.

- *Učí šít šaty a má* ***houf*** *práce.* Она учит шить одежду, и у неё **полно** работы. Здесь ***houf*** – это наречие, возникшее путём адвербиализации формы именительного падежа единственного числа существительного, в позиции обстоятельства.
- *Ze samoobsluhy se vyhrnul* ***houf*** *školaček se zmrzlinami, lízátky a čokoládovými tyčinkami v rukou.* Из магазина самообслуживания выбежала **толпа** школьниц с мороженым, леденцами и шоколадными батончиками в руках. В рассмотренном предложении ***houf*** – собирательное существительное в именительном падеже единственного числа в составе подлежащего.
- *Po pár sklenkách šampaňskýho se jí* ***kapku*** *začala točit hlava a dostala sentimentální náladu.* После пары бокалов шампанского у неё **немножко** начала кружиться голова, и появилось сентиментальное настроение. В приведенном контексте ***kapku*** – наречие меры и степени, по происхождению являющееся адвербиализированной формой винительного падежа единственного числа существительного *kapka*, в позиции обстоятельства.
- *Známý šéfkuchař italského původu Aldo Zilli, který byl v porotě pro výběr karafy a má drahou rybí restauraci ve čtvrti Soho, si nalepil poznávací znamení – modrou* ***kapku*** *vody – na dveře své restaurace jako jeden z prvních.* Известный шеф-повар итальянского происхождения Альдо Зилли, который был в жюри для выбора графина и владеет дорогим рыбным рестораном в квартале Сохо, приклеил опознавательный знак – голубую **каплю** воды – на дверь своего ресторана одним из

первых. В этом случае ***kapku*** – это существительное в винительном падеже единственного числа в позиции дополнения.

- *Zachvěly se chřípě, rty se* ***trochy*** *(dial.) zkřivily.* Ноздри задрожали, губы немного искривились. В приведенном примере ***trochy*** (диал.) – наречие меры и степени, произошедшее путём адвербиализации формы родительного падежа единственного числа существительного *trocha,* в позиции обстоятельства.
- *Natáhla před sebe ruce, jako by si je hřála u* ***trochy*** *tepla, které po těch ohních zbylo.* Она вытянула руки перед собой, будто бы согревая их у **толики** тепла, которая осталась от огня. Здесь ***trochy*** – это форма родительного падежа единственного числа существительного *trocha* в позиции дополнения.

2. Также к зоне синкретизма «наречие-существительное» принадлежат **субстантивированные** наречия, имеющие **несубстантивированные** омонимы: 75 единиц картотеки.

Субстантивация – это переход словоформ различных частей речи в класс существительных без использования специальных словообразовательных аффиксов. Главным признаком субстантивации является употребление субстантивированных слов в синтаксических позициях, характерных для существительного: как, например, подлежащее, часть составного именного сказуемого, дополнение.

Таким образом, наречия перекрещиваются с классом существительных, когда оказываются в благоприятной для этого позиции в предложении и выполняют свойственную существительным синтаксическую функцию. Основываясь на собранном материале, охарактеризуем основные тенденции этого процесса.

1) Самой многочисленной группой субстантивированных наречий являются заимствованные несклоняемые названия музыкальных

терминов, например: *agitato* возбужденно, *accelerando* постепенно ускоряя, *amoroso* страстно и многие другие. Этому способствует синтаксическая позиция, характерная для существительных.

- *Tohle **adagio** se mi moc líbilo!* Это **адажио** мне очень понравилось! В приведенном примере ***adagio*** – существительное, по происхождению – субстантивированное наречие. Находится в позиции подлежащего.
- *Co říkáš poslednímu **andante**?* Что ты думаешь о последнем **анданте**? В этом контексте ***andante*** – существительное, возникшее путём субстантивации наречия, в позиции дополнения.

Однако в подобных случаях это не единственная причина субстантивации. Помимо синтаксических факторов здесь отчетливо наблюдается действие морфологических факторов: по форме музыкальные термины-заимствования аналогичны существительным среднего рода твердой разновидности, оканчивающиеся на *–o* (тип *město*).

2) К субстантивированным наречиям можно отнести некогда адвербиализированные существительные, которые употребляются в синтаксических позициях, свойственных существительным, и обладают характерными для существительного сочетаемостными свойствами. Это явление можно назвать **реадвербилизацией**. Оно не является тенденцией и представлено единичными случаями, однако свидетельствует о двунаправленности явления взаимопроницаемости.

Как отмечает Й. Филипец [Filipec, 1972, с. 128], ряд лексем, например: *večer* вечером/вечер, *ráno* утром/утро, *dopoledne* в первой половине дня / первая половина дня, *odpoledne* во второй половине дня / вторая половина дня, *kapánek* немножко/капелька, *drobátko* немножко/капелька и др. сложно охарактеризовать с точки зрения синхронии. Можно предположить, что некогда адвербиализированные существительные и предложные конструкции проходят реадвербиализацию или снова субстантивируются в силу своей гибридности с

точки зрения семантики и морфологии и потенциальной способности находиться в синтаксических позициях, свойственных как наречиям, так и существительным.

- *Jak obyčejně trávíš sobotní* ***odpoledne****? – Obyčejné sobotní* ***odpoledne*** *je pro mě* ***odpoledne*** *s hrníčkem kávy, ořechy a čokoládou.* Как ты обычно проводишь **вторую половину субботы**? Обычная **вторая половина субботы** – для меня это **вторая половина дня** с чашечкой чая, орехами и шоколадом. В этом примере ***odpoledne*** – существительное среднего рода в винительном падеже единственного числа в позициях дополнения, подлежащего и составного именного сказуемого.
- *Ale Železný Honza spal celé* ***dopoledne****, a když dali v poledne na stůl jídlo děvečkám, vstal, sedl s nimi ke stolu a jedl a za krátkou chvíli byla mísa prázdná.* Но Железный Гонза спал всю **первую половину дня**, и когда в полдень на стол поставили еду для служанок, он встал, сел с ними к столу и ел, и вскоре миска опустела. Здесь ***odpoledne*** также является существительным среднего рода в винительном падеже единственного числа в позиции обстоятельства (составного обстоятельства: существительное + согласованное с ним прилагательное).

3. Некоторые заимствованные единицы (20) находятся в зоне синкретизма в силу своей **полифункциональности**, которую они сохранили из языка-источника. Все они являются неизменяемыми, что автоматически сближает их с наречиями, но наличие в чешском языке небольшого количества неизменяемых существительных и прилагательных позволяет этим единицам функционировать в исконном качестве. В зону синкретизма трех частей речи[6] (наречия,

[6] Все пересечения зон синкретизма периферии чешского наречия отражены в схеме № 4 – см. параграф 3.14.

существительного и прилагательного) входят 7 единиц нашей картотеки: *fest* туго, крепко / тугой, крепкий / крепкий орешек, *prima* превосходно / превосходный / прима, *cash* (оплата) наличными / наличный / наличные деньги, *komplet* полностью / полный, целый / комплект, *bon* хорошо / хороший / чек (омонимия), *on-line (online)* онлайн, *off-line (offline)* офлайн.

- *Ale drželo to **fest**.* Но держалось это **крепко**. (Наречие в позиции обстоятельства.)
- *Jsou **fest**, nikdo jim nic nedokáže.* Они **крепкие**, им никто ничего не докажет. (Прилагательное в составе именного сказуемого.)
- *Ten chlap je **festem**, jemu nic neškodí.* Этот парень – крепкий орешек, ему ничто не вредит. (Существительное в составном именном сказуемом.)

4. **Омонимия** – еще один из признаков образования синкретичных зон (10 единиц). Её мы выделили в отдельную группу, т.к. здесь речь идет не о сосуществовании адвербиализированных и неадвербиализированных форм, а о параллельном функционировании наречий, образованных от других частей речи с помощью соответствующих морфем, и созвучных с ними словоформ существительных. Случается, что они являются абсолютными омонимами без общей составляющей в семантике (5 единиц), например:

- *V Pardubicích se v sobotu uskutečnil Žlutý **fest**, jeden ze série festivalů konaných pod hlavičkou Rock for People.* В Пардубице в субботу прошел Желтый **фест**, один из серии фестивалей, организуемых под девизом *Rock for People.* (Существительное в позиции подлежащего.) Ср. с предыдущими примерами, где ***fest*** имеет совершенно другие значения.

- *Jako by ji **hoře** a lítost ochromily.* Как будто **горе** и жалость её парализовали. (Существительное в позиции подлежащего.)
- *Jak **hoře** podotknuto...* Как было замечено **выше**… (Наречие в позиции обстоятельства.)

5. Также существуют трехступенчатые процессы взаимопроницаемости, в которых участвуют еще междометия. Наиболее продуктивным из них является процесс перекрещивания, происходящий в следующем направлении: существительное – междометие – наречие (5 единиц). Причины у такой взаимопроницаемости следующие: существительные с сильной эмоциональной окраской легко перекрещиваются с междометиями, которые являются самой экспрессивной частью речи. В свою очередь, междометие – это неизменяемая часть речи, что сближает её с наречиями. К тому же, некоторые междометия способны придавать качественную характеристику действию, предмету, явлению или ситуации, что тоже способствует их перекрещиванию с наречиями.

- *Tohle je ale **hanba**!* Это такой **позор**! (Существительное в составе именного сказуемого.)
- ***Hanba**!* **Позор**! (Междометие.)
- *Včera se choval blbě, teď je mu **hanba**.* Вчера он вел себя глупо, теперь ему **стыдно**. (Наречие образа действия в позиции обстоятельства.)

6. Еще одним трехступенчатым процессом служит цепочка существительное – наречие – предлог [Filipec, 1972, с. 126]. К этой цепочке относится одна лексема *chyba*, однако обозначенный процесс не является актуальным для современного чешского языка.

Выводы по параграфу 3.3

В заключение параграфа сформулируем вывод: взаимопроницаемость наречий и существительных – это активное и двунаправленное явление. Самую большую долю зоны синкретизма составляют адвербиализированные словоформы существительных, функционирующие наряду со своими неадвербиализированными омонимами, затем – субстантивированные наречия, имеющие несубстантивированные аналоги. Однако залогом взаимопроницаемости наречий и существительных являются не только адвербиализация и субстантивация единиц языка в сочетании с омонимией, но и полифункциональность ряда словоформ, заимствованных из других языков.

3.4. Взаимопроницаемость чешских наречий и имён прилагательных

Зона синкретизма наречий и прилагательных в чешском языке составляет 8% периферии наречия и представлена 52 единицами в нашей картотеке. По причинам взаимопроницаемости анализируемые единицы можно разделить на две неравные группы.

1. **Полифункциональные** заимствованные единицы (48), которые сохраняют это свойство из языка-источника. Сюда относятся неизменяемые словоформы, которые в процессе заимствования в силу своей неизменяемости примкнули к классу наречий. Однако их изначальная полифункциональность позволила им функционировать также в качестве неизменяемых прилагательных в соответствующей синтаксической функции. Приведем примеры:

- *Měl o ni v poslední době starost. Nebylo by **fér** mu to vyčítat.* В последнее время он заботился о ней. Было бы **нечестно** (не было бы **честно**) упрекать его в этом. В этом примере ***fér*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- *Hrajeme od začátku **fér** hru a vylučuji jakýkoli nátlak z naší strany.* С самого начала мы **честно** играем, и я исключаю любое давление с нашей стороны. В приведенном контексте ***fér*** – несклоняемое прилагательное в позиции определения.
- *Matěj Stropnický odpovídal **on-line** na otázky čtenářů LN.* Матей Стропницки отвечал онлайн на вопросы читателей LN. Здесь ***on-line*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- *Výhodou jazykových **on-line** programů je, že účastník se může učit sám, v čase a tempu, které mu vyhovuje.* Преимуществом языковых **онлайн** программ является то, что участник может заниматься сам, в удобное для него время и в подходящем ему темпе. В указанном примере ***on-line*** – прилагательное в позиции определения.

- *Našel jsem to v* ***on-linu.*** *Я* нашел это в **онлайне**. В этом контексте ***on-line*** – существительное, которое приобретает склонение по типу неодушевленных существительных мужского рода типа *byt*. В предложении оно является обстоятельством.

Как уже упоминалось в предыдущем параграфе, на периферии наречия также расположена зона синкретизма трех частей речи (наречия, существительного и прилагательного), в которую входят 7 единиц нашей картотеки. Графическое представление пересечения зон синкретизма периферии наречия изображено на схеме №4 – см. параграф 3.14.

2. **Омонимичные** незаимствованные единицы (4), параллельно функционирующие в чешском языке и как наречия, и как прилагательные. Перечислим эти единицы: *čerstva* быстро / свежа, *cimprcampr* вдребезги / гремящий, громкий, сильный, *halabala* как попало, тяп-ляп / неряшливый, неаккуратный, *kách* резкий, поспешный / резко, поспешно.
   - *Barva teď tak* ***čerstva*** *neschne.* Краска теперь так **быстро** не сохнет. В этом примере ***čerstva*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
   - *Tato zelenina je fakt* ***čerstva****!* (Устар.) Эти овощи действительно **свежи**! Здесь ***čerstva*** – краткое прилагательное, часть составного именного сказуемого. Однако краткие прилагательные почти не употребляются в современном чешском языке даже в составных именных сказуемых: они практически полностью вытеснены полными формами. В других славянских языках, к слову, подобная частеречная омонимия – актуальное явление [Тяпко, 2011, с. 57].
   - *Džbánek se roztříštil* ***na cimprcampr*** *a úlomky se rozlétly všemi směry.* Кувшинчик разбился **вдребезги**, и осколки разлетелись во всех

направлениях. В приведенном контексте ***cimprcampr*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.

- *To ale skoro není možné, protože všude hraje nějaká* ***cimprcampr*** *muzik, takže vlastního slova neslyšet.* Это ведь практически невозможно, потому что везде играет какая-то **гремящая** музыка, собственную речь неслышно. В этом случае ***cimprcampr*** – несклоняемое прилагательное в позиции несогласованного определения.
- *Okno neumyla a nepověsila záclonky a i ty postele povlíkla jen tak* ***halabala*** *a starými prostěradly, která sice nebyla děravá, ale byla už tak řídká, že jimi bylo vidět flekaté matrace.* Она не вымыла окно и не повесила занавески, да и постели она постелила **кое-как**, используя старые простыни, которые хоть и не были дырявыми, были такими тонкими, что через них виднелись покрытые пятнами матрасы. В приведенном примере ***halabala*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- *Profesoři netrpěli nepořádek, špínu,* ***halabala*** *oblečení ani ohavný rukopis: to se netrpělo, jak si dnes s vděkem vzpomínám.* Профессора не терпели беспорядок, **неряшливую** одежду и отвратительный почерк: это было недопустимо, как я сейчас с благодарностью вспоминаю. Здесь ***halabala*** – несклоняемое прилагательное в позиции несогласованного определения.
- *Moh bych v té době zaletět do Londýna. Snad na porady, snad něco natočit – ale to je asi moc* ***kách***. В это время я мог бы слетать в Лондон. Может быть, на совещания, может быть, поснимать – но это как-то очень **поспешно**. В этом контексте ***kách*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.

- *On je divokej a vůbec **kách**!* Он дикий и вообще **резкий**! В этом случае ***kách*** – несклоняемое прилагательное, в предложении – часть составного именного сказуемого.

Выводы по параграфу 3.4

Резюмируем изложенное в этом параграфе: взаимопроницаемость наречий и прилагательных обусловлена полифункциональностью синкретичных единиц и наличием омонимичных словоформ, выступающих как наречия и как прилагательные. Важным фактором полифункциональности является неизменяемость, которая характерна наречиям и в некоторой степени – прилагательным (несклоняемым прилагательным). Совокупность перечисленных характеристик способствует отнесению анализируемых единиц к разряду синкретичных.

3.5. Взаимопроницаемость чешских наречий и имён числительных

9% периферии наречия в чешском языке составляет зона синкретизма наречий и числительных: сюда входят 58 единиц, содержащихся в нашей картотеке. Согласно причинам взаимопроницаемости наречий и числительных все единицы этой зоны синкретизма можно разделить на две группы.

1. **Адвербиализированные** числительные, которые функционируют наряду со своими омонимичными **неадвербиализированными** формами (54 единицы).

В современном языке процесс адвербиализации числительных непродуктивен и в большинстве случаев уже завершен: *jedenkrát* один раз, *jednou* один раз/однажды, *dvakrát* дважды и т.д. Ему способствовали прежде всего неизменяемость многих числительных, их семантическая близость наречиям меры и степени (преимущественно кратных числительных), а также возможность выполнять синтаксическую функцию приглагольного обстоятельства.

- *To se mi **dvakrát** nelíbí.* Мне это **очень** не нравится. Здесь ***dvakrát*** – это наречие меры и степени, употребленное в позиции обстоятельства.
- *Byl jsem v bazénu **dvakrát** v životě.* Я был в бассейне **дважды** за всю свою жизнь. В приведенном контексте ***dvakrát*** – это кратное числительное в позиции обстоятельства.
- ***Jednou** se nevrátila domů vůbec.* **Однажды** она вообще не вернулась домой. В этом случае ***jednou*** – наречие времени в позиции обстоятельства.
- ***Jednou** z mnoha forem oslav Mezinárodního dne Romů v Praze byl i pětidenní festival Šaj pes Dovakeras (Můžeme se domluvit), který se konal od 5. do 9. dubna.* **Одной** из многих форм празднования Международного дня цыган в Праге был также пятидневный

фестиваль Šaj pes Dovakeras («Мы можем понять друг друга»), который проходил с 5 по 9 апреля. В этом примере ***jednou*** – количественное числительное.

2. Отметим, что обратный процесс **нумерализации** наречий тоже имеет место в чешском языке (4 единицы картотеки). Взаимопроницаемость наречий и числительных в этом случае возможна благодаря параллельному существованию **ненумерализированных** словоформ.

Нумерализация – это переход словоформ различных частей речи в класс числительных без использования специальных словообразовательных аффиксов.

Неопределённые наречия *málo* мало, *mnoho* много, *moc* много, *nemálo* достаточно перекрещиваются с неопределёнными числительными в силу близости лексического значения.

- ***Mnoho*** *chrámů žije stále v sedmdesátých letech.* **Много** храмов (**многие** храмы) все еще живут в семидесятых годах. В этом контексте ***mnoho*** – неопределённое числительное в составе подлежащего.
- *V poslední době Jan* ***mnoho*** *pracoval, to víš.* В последнее время Ян **много** работал, ты знаешь. Здесь ***mnoho*** – наречие меры и степени в позиции обстоятельства.
- *Máme* ***moc*** *studentů, varoval Chládek.* У нас **много** студентов, предупреждал Хладек. В приведенном примере ***moc*** – неопределённое числительное в составе дополнения.
- *To je ale novinka!* ***Moc*** *ti závidím!* Вот это новость! Я тебе **очень** завидую! В этом случае ***moc*** – наречие меры и степени в позиции обстоятельства.

Единицы *mnoho* и *málo* примечательны также тем, что находятся в зоне синкретизма трех частей речи: наречия, числительного и существительного. Ср.:

- *Mimochodem to byla jedna z* ***mála*** *anglických vět, které uměl říct, ostatní komunikace probíhala spíš mimoslovně a všechno to bylo opravdu fajn.*

Кстати, это была одна из **небольшого количества** английских фраз, которые он мог сказать, в остальном коммуникация происходила без слов, и все это было действительно здóрово. (Существительное в составе подлежащего.)

- *Michal Prokop - muž* ***mnoha*** *zájmů a profesí, v hudební oblasti znám především jako zpěvák, který se pohybuje přibližně v trojúhelníku žánrů rock & soul & blues.* Михал Прокоп – человек **множества** интересов и профессий, в музыкальной сфере известен прежде всего как певец, который перемещается в треугольнике жанров rock & soul & blues. (Существительное в составе несогласованного определения.)

С существительными эти лексемы сближает одинаковая структура и форма, а также минимальная способность склоняться: визуально обозначенные единицы близки к существительным среднего рода твердой разновидности типа *město*. Важную роль играет и синтаксическое окружение, свойственное для существительных.

Выводы по параграфу 3.5

Таким образом, взаимопроницаемость наречий и числительных (в некоторых случаях – и существительных) характеризуется параллельным употреблением адвербиализированных и неадвербиализированных, нумерализированных и ненумерализированных форм в соответствующих синтаксических позициях.

3.6. Взаимопроницаемость чешских наречий и местоимений

Картотека собранного материала содержит 7 единиц, относящихся к зоне синкретизма наречий и местоимений, что составляет всего 1% периферии наречия.

1. Взаимопроницаемость в этом сегменте проявляется прежде всего в функционировании **адвербиализированных** и **неадвербиализированных** единиц параллельно (5 единиц).

- *Přišel jsem o **něco** dřív než ty.* Я пришел **немного** раньше, чем ты. Здесь ***něco*** выступает как наречие меры и степени в позиции обстоятельства. Значение меры и степени отчасти близко неопределённым местоимениям, а также внешняя форма лексемы ***něco*** подобна внешней форме наречий на *–o*: перечисленные факторы способствовали адвербиализации этого местоимения.
- ***Něco** se stalo.* **Что-то** случилось. В этом примере ***něco*** – местоимение в позиции подлежащего.

В нашей картотеке также присутствует 1 единица, находящаяся в зоне синкретизма 4 частей речи: наречия, местоимения, частицы и союза. Сравните приведенные ниже примеры.

- ***Co** tu šperků, **co** tu lesku!* **Сколько** здесь украшений, **сколько** здесь блеска! В этом контексте ***co*** – наречие меры и степени в позиции обстоятельства.
- *Tak **co** jste nám pěkného přinesli?* Ну и **что** вы нам принесли хорошего? В указанном случае ***co*** является вопросительным местоимением в позиции дополнения.
- *Přines léky **co** možná rychleji!* Принеси лекарства **как** можно быстрее! В приведенном примере ***co*** – усилительная частица.
- *Je tomu rok, **co** jsem napsal svůj první text. Od té doby se změnila spousta věcí.* Прошел год, **как** я написал свой первый текст. С тех пор изменилось множество вещей. Здесь ***co*** – это союз.

2. Также взаимопроницаемость обусловлена наличием в чешском языке **омонимичных** форм местоимений (формы косвенных падежей *tuhle* эту, *tuto* эту) и наречий *tuhle* тут, *tuto* тут (2 единицы). Для иллюстрирования сказанного приведем примеры.
   - *Dej ty věci* ***tuhle***. Положи эти вещи **тут**. В этом контексте ***tuhle*** – местоименное наречие места в позиции обстоятельства.
   - *Přines, prosím tě,* ***tuhle*** *knihu!* Принеси, пожалуйста, **эту** книгу! В приведенном примере ***tuhle*** – указательное местоимение в форме единственного числа женского рода винительного падежа в позиции определения.

В названных случаях речь идет о явлении на стыке лексической и частеречной омонимии, так как формально обозначенные единицы принадлежат к разным частям речи, но общее дейктическое значение указывает на их местоименную природу.

Выводы по параграфу 3.6

Из сказанного можем заключить, что вследствие адвербиализации местоимений и наличия омонимичных неадвербиализированных форм в чешском языке существует взаимопроницаемость наречий и местоимений, однако эта зона синкретизма составляет наименьшую часть периферии наречия.

3.7. Взаимопроницаемость чешских наречий и глаголов

В картотеке анализируемого материала содержатся 4 единицы, входящих в зону синкретизма наречий и глаголов, что соответствует 1% периферии чешского наречия.

Взаимопроницаемость наречий и глаголов осуществляется за счет параллельного функционирования **адвербиализированных** глагольных словоформ (деепричастий) наряду с их **неадвербиализированными** омонимами. Приведем несколько примеров.

- *Rytíř padl **kleče**.* Рыцарь упал **на колени.** Здесь ***kleče*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- ***Kleče** na kolenou, přejel Silas rukama po kamenné podlaze.* **Стоя на коленях**, Силас провел руками по каменному полу. В этом случае ***kleče*** – деепричастие, входящее в деепричастный оборот.
- *Četl v hlubokém křesle u krbu spíš **leže** než **sedě**.* Он читал в глубоком кресле у камина скорее **лежа**, чем **сидя**. В приведенном примере ***leže*** и ***sedě*** – наречия образа действия в позиции обстоятельства.
- *Josef, **leže** na břiše v seně za námi, pravil: „Když nebudeme vydělávat , nebudou koně žrát“.* Йозеф, **лежа** на животе в сене за нами, сказал: «Если мы не будем зарабатывать, кони не будут есть». В обозначенном контексте ***leže*** – деепричастие, являющееся частью деепричастного оборота.

Выводы по параграфу 3.7

В современном чешском языке зона синкретизма наречия и глагола крайне мала. Прежде всего, это связано с тем, что деепричастия практически не употребляются в языке на синхронном срезе. Взаимопроницаемость наречий и глаголов обусловлена присутствием в языке адвербиализированных деепричастий и их неадвербиализированных форм.

3.8. Взаимопроницаемость чешских наречий и междометий

Зона синкретизма наречий и междометий составляет 8% периферии чешского наречия и представлена в нашей картотеке 52 единицами.

Главной предпосылкой взаимопроницаемости этих единиц является их **полифункциональность**, вызванная ярко выраженной эмоциональной составляющей их семантики и ослабеванием синтаксической функции обстоятельства: единица выходит за границы предложения и перестает вступать в синтаксические отношения с другими единицами. Приведем несколько наглядных примеров.

- *Jestliže se čekání protáhne, asi tak nad 15 minut, prostě se vraťte o patro níž do své kanceláře, protože tam máte práce* ***ažaž.*** Если ожидание затянется где-нибудь больше 15 минут, просто вернитесь в свой офис этажом ниже, потому что у вас там работы **полно (больше чем надо)**. В этом случае ***ažaž*** – наречие меры и степени, имеющее сильную эмоциональную нагрузку и выступающее в позиции обстоятельства.
- *Najedli jste se? –* ***Ažaž!*** *– Já jsem se nacpal k prasknutí.* Вы наелись? – **Вволю! (От пуза!)** – Я наелся до отвала. Здесь ***ažaž*** **–** производное междометие, призванное выразить сильную эмоцию (сытость, довольство) и находящееся вне предложения.
- *Neví, jestli se narodil bohužel nebo* ***bohudík*** *a není si úplně jist, zda skončí* ***bohudík*** *nebo bohužel.* Он не знает, родился ли он к сожалению или **к счастью**, и не вполне уверен, умрет ли он **к счастью** или к сожалению. В приведенном примере ***bohudík*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- *Jsem včas zjistila, že jako milenec a společník (i přítel) je skvělý, ale ne jako člověk žijící v běžném reálném životě s problémy. – Tak konečně!* ***Bohudík****!* Я вовремя выяснила, что как любовник и партнер (и друг)

он великолепен, но не как человек, живущий в обыкновенном реальном мире с проблемами. – Наконец-то! **К счастью!** В этом контексте ***bohudík*** – производное междометие, выражающее облегчение и радость говорящего.

Также в нашей картотеке присутствуют единицы, находящиеся в зоне синкретизма сразу 3 частей речи: наречия, существительного и междометия (5 единиц, примеры см. в параграфе 3.3.) и наречия, междометия и модальных слов (5 единиц: *ja, jo, jou, ju, jú* да). Такая синкретичность возможна благодаря широкой семантике названных единиц, которая позволяет им употребляться в большом количестве ситуаций и контекстов: ср. предложения, приведенные ниже.

- *Když tam koupíš lístky, tak teda **jú**. Půjdeme tam.* Если ты купишь туда билеты, тогда **хорошо**. Пойдем туда. В приведенном примере ***jú*** выступает как наречие образа действия.
- *Chceš polívku? – No, **jú**.* Хочешь супа? **Ага**. (Диалектное употребление.) В этом контексте ***jú*** – модальное слово, выражающее согласие говорящего.
- *Vážně? **Jú**, to bude něco!* Серьезно? **Ой**, это будет нечто! Здесь ***jú*** – междометие, отражающее предвкушение, ожидание говорящего.

Выводы по параграфу 3.8

Резюмируя сказанное, отметим, что причина взаимопроницаемости наречий и междометий кроется в семантической полифункциональности этих единиц, а также в отсутствии у них строго обстоятельственной функции.

3.9. Взаимопроницаемость чешских наречий и предлогов

Зона синкретизма наречий и предлогов в чешском языке составляет 7% и насчитывает 46 единиц в картотеке собранного материала. По причинам взаимопроницаемости все единицы можно разделить на две группы: 1. **производные** предлоги, образованные от наречий и функционирующие наряду с ними; 2. **адвербиализированные** предлоги, существующие паралелльно со своими **неадвербиализированными** омонимами.

1. К первой группе относятся **обстоятельственные (пространственные)** наречия и образованные от них **вторичные (наречные)** предлоги – 33 единицы картотеки.

Эти единицы обладают некоторыми общими признаками, которые делают взаимопроницаемость возможной. Чтобы ответить на вопрос, что именно позволяет наречиям функционировать в качестве предлогов, необходимо проанализировать их грамматические и семантические характеристики.

Наречие в чешском языке, как и в русском, является наиболее гибридным лексико-грамматическим классом слов. В первую очередь о гибридности наречий свидетельствует их неоднородный морфологический состав. Гибридность наречий подтверждается и тем, что они обладают некоторыми признаками, характерными также для других частей речи (в рассматриваемом случае – для предлогов). Именно такая неоднозначность признаков создает предпосылки для взаимопроницаемости полей частей речи.

1) Наиболее важным основанием для пересечения наречий и предлогов является тот факт, что наречия, как отмечает В. В. Виноградов [Виноградов, 2001, с. 327], сравнительно в редких случаях несут на себе тяжесть управления. Чаще всего наречие, если позволяют его лексические значения, передает управление глаголу, а само выступает в роли грамматического выразителя падежного отношения, но почти всегда с более конкретным лексическим содержанием, чем предлог. Эта особенность наречий сближает их с предлогами, создает переходную зону

между двумя обозначенными классами слов. Конечно, степень сближения наречия с предлогом различна в каждом конкретном случае, она зависит от лексического и грамматического значения наречий, от синтаксической дистрибуции, от смысловой близости наречия значениям предлогов. Важно отметить, что в процессе т. н. перекрещивания многие лексемы сохраняют свое примарное значение и выступают как полифункциональные лексемы.

2) Еще одной предпосылкой взаимопроницаемости наречий и предлогов является морфологическая неизменяемость наречия (за исключением качественных наречий). Поскольку предлоги тоже находятся вне категории словоизменения, эту особенность можно считать общей для обеих частей речи.
3) Наречия способны распространять, уточнять и определять значение других частей речи, основной синтаксической принадлежностью наречия является значение отношения (качественного или предметно-обстоятельственного). Предлог служит для оформления отношений в предложении. Близость синтаксической роли наречий и предлогов также является причиной пересечения их частеречных полей.
4) Наличие общего семантического сегмента у наречий и предлогов служит серьезным основанием для их перекрещивания. Семантика наречий (прежде всего обстоятельственных) близка семантике предлогов: ср. существование предлогов, выражающих локальные и темпоральные отношения.

Из сказанного мы можем заключить, что наречия обладают определённым семантическим и грамматическим потенциалом, который позволяет им функционировать в качестве предлогов.

Приведем несколько ярких примеров. Для удобства сопоставления в этом параграфе используется форма таблицы.

Лексема	Функционирование лексемы в качестве <u>наречия</u>	Функционирование лексемы в качестве <u>вторичного предлога</u>
uprostřed	*Ležel na pohovce,* ***uprostřed*** *protržené.* Он лежал на диване, порванном **посередине**.	*Občas, když ho někdo přerušil* ***uprostřed*** *řeči, se nadlouho odmlčel.* Иногда, когда его кто-то прерывал **посреди** фразы, он надолго замолкал.
dovnitř	*Naďa šla* ***dovnitř*** *rozzlobená, s nikým se nepozdravila a přemyšlela o tom, že večer přijdou hosté.* Надя зашла **внутрь** рассерженная, ни с кем не поздоровавшись, и размышляла о том, что вечером придут гости.	*Pochopil a odvedl mě* ***dovnitř*** *domu.* Он понял и отвел меня **внутрь** дома.
(o)podál	*Z houšti vidím* ***opodál*** *dům v pozvolna nastávajícím šeru.* Из зарослей я вижу **неподалеку** дом в постепенно сгущающихся сумерках.	*Tavič stál* ***opodál*** *elektrické pece a díval se do vroucí ocele skrz fialovou tabulku skla.* Тавич стоял **недалеко от** электропечи и смотрел на раскаленную сталь через фиолетовую пластинку стекла.
poblíž(e)	*Naštěstí jsem byl náhodou* ***poblíž*** *a mohl jsem cestou tu proceduru pozorovat.*	*Na převislé větve* ***poblíž*** *stojících stromů bývají často uvazovány stužky a male černé kroužky.* На свисающие ветви **вблизи** стоящих деревьев часто

	К счастью, я случайно оказался **рядом** и мог по дороге наблюдать за этой процедурой.	привязывают ленты и маленькие черные кружки.
vzadu	*Tam **vzadu**, někde daleko za obzorem, je severní pól naší planety.* Там **сзади**, где-то далеко за горизонтом, находится северный полюс нашей планеты.	***Vzadu** procesí belhá kulhavý chromán.* **Позади** процессии ковыляет хромой калека.
kolem	*Všechno ostatní **kolem** jako by zmizelo v mlze.* Все остальное **вокруг** как будто исчезло в тумане.	*Kapky, které ze mě stékají, vytvářejí na dlažbě **kolem** bazénu zvláštní tmavé tvary.* Капли, которые стекают с меня, образуют на плитке **возле** бассейна причудливые темные следы.
naproti	*„Kam jdeme?" V hlase jí bleskla jiskřička zájmu. „ Jen **naproti** přes ulici. Uvidíš. Tamhle," ukázala jsem.* «Куда мы идем?» - в её голосе блеснула искра интереса. «Только **напротив** через улицу. Увидишь. Вот туда», - показала я.	*Prostor se slepými dveřmi **naproti** hlavnímu vchodu byl zazděn.* Помещение с тупиковыми дверями **напротив** главного входа было замуровано.
(o)proti(v)	*Vlastimila tomuto zákonu s hrdým čelem a sebevědomím **oprotiv** se stavěla.*	*A **oproti** jiným zemím nedostává naše komora žádné státní dotace.*

	Властимила гордо и самоуверенно ставила себя **против** (противостояла) этому закону.	И **по сравнению с** другими странами наша палата не получает никаких дотаций от государства.

Как можно видеть из приведенных примеров, одни и те же лексемы функционируют как наречия места и как пространственные вторичные предлоги, что свидетельствует о наличии общих понятийных сегментов.

2. Во вторую группу обозначенной зоны синкретизма входят **адвербиализированные** предлоги, функционирующие наряду со своими **неадвербиализированными** омонимами (13 единиц).

Предлоги становятся наречиями, т.к. перестают быть падежными префиксами имени существительного и становятся наречными частицами [Виноградов, 2001, с. 327]. Таким образом, перекрещивание наречий и предлогов может быть обусловлено способностью некоторых предлогов сохранять свое абстрактное значение отношения в сочетании с существительными (= способностью предлогов выражать обстоятельственные отношения), т.е. сниженной степенью грамматикализации этих предлогов. Предлоги, сохраняющие лексическое значение, обладают, по В. В. Виноградову, «лексической отдельностью» [Виноградов, 2001, с. 555-556] в противоположность предлогам слабым, «пустым», выражающим чисто грамматические падежные отношения в сочетании с существительными. В подтверждение сказанного приведем контексты из Чешского национального корпуса.

Лексема	**Функционирование лексемы в качестве <u>предлога</u>**	**Функционирование лексемы в качестве <u>наречия</u>**
přes	*Pan Brudík se podíval **přes** rameno, mávl rukou a s neochvějným klidem řekl: „Jo. Počkejte, já přijdu hned.“*	*Do Karlina je celý lístek, **přes**!* До Карлина полный билет, **с пересадкой**!

	Господин Брудик посмотрел **через** плечо, махнул рукой и с непоколебимым спокойствием сказал: «Да. Подождите, я сейчас приду».	
bez	*Registrační formulář vyplňujte* ***bez*** *diakritiky.* Заполняйте регистрационный бланк **без** диакритических знаков.	*Opaluje se na pláži* ***bez****.* Она загорает на пляже **топлесс**.

Необходимо подчеркнуть, что полного перехода из класса предлогов в класс наречий не происходит. Существует лишь взаимопроницаемость этих классов, некоторое вкрапление полей рассматриваемых частей речи друг в друга, вызванное полифункциональностью и морфологической полисемией единиц.

Выводы по параграфу 3.9

Итак, пересечению наречий и предлогов способствует существование лексем, которые «…обнаруживают некое инвариантное семантическое значение, которое вместе с новой грамматической формой и служит основанием для «перевода» одной и той же лексемы в различные части речи» [Кривоносов, 2001, с. 728]. Таким образом, явление взаимопроницаемости полей наречий и предлогов обусловлено комплексом семантических, морфологических и синтаксических факторов.

3.10. Взаимопроницаемость чешских наречий и частиц

Неоднородный морфологический состав наречия и его семантическая многомерность влияют на устойчивость его грамматического значения. Наречия, не соотносимые с живыми грамматическими типами именных и глагольных форм, а также местоименные наречия часто расширяют свои синтаксические возможности, сближаясь с частицами, и совмещают функции наречия со значениями частиц (нередко с оттенком модальности). Такая **полифункциональность** способствует образованию области взаимопроницаемости, которая составляет 13% периферии чешского наречия; в нашей картотеке содержатся 84 единицы, принадлежащие к этой зоне синкретизма.

Последующие два примера иллюстрируют синкретичность единицы *beztak*, которая в первом предложении выступает как наречие образа действия в позиции обстоятельства, а во втором – как экспрессивная частица.

- *Pochopila, že manžel by ji **beztak** nevnímal.* Она поняла, что муж **все равно** бы её не замечал.
- *„Kvůli tomu se přece ty nemusíš odvracet od své víry.“*
  *Pokrčil rameny. „**Beztak** pro mě nic neznamená. A nikdy neznamenala. Judaismus je důležitý pro tebe, ne pro mě.“*
  «Ты ведь не должен из-за этого отворачиваться от своей веры».
  Он пожал плечами. «**Все равно**, она для меня ничего не значит. И никогда не значила. Иудаизм важен для тебя, а не для меня.»

Приведем еще несколько примеров.

- *Kromě zbraní se nedostávalo **též** všech dalších válečných maličkostí. Neměli jsme žádné mapy ani tabulky.* Кроме оружия не хватало **также** всех прочих военных мелочей. У нас не было ни карт, ни таблиц. Здесь ***též*** – частица.

- *Ať se stane cokoli – bude to **též**.* Пусть случится что угодно – это будет **так же** (= **одинаково)**. В приведенном примере ***též*** – наречие в составе сказуемого.

Некоторые единицы находятся в зоне синкретизма 3 частей речи: наречий, частиц, союзов (*až* – см. параграф 3.11), наречий, частиц, модальных слов (*možná, možno* – см. параграф 3.13), наречий, частиц и междометий (*ba* даже / да / верно). Ср. предложения, приведенные ниже.

- *Vůbec nikdo se nezasmál* - ***ba*** *dokonce ani nepousmál.* Вообще никто не засмеялся – даже и не улыбнулся. Здесь ***ba*** – усилительная частица.
- *Copak to máš uděláno? – I **ba**, ještě nemám.* Разве ты это сделал? – И то **верно**, еще нет. В этом примере ***ba*** – наречие образа действия.
- *To byl Tonda! – **Ba**! Neříkej!* Это был Тонда! – **Да ладно**! Не может быть! В приведенном контексте ***ba*** – междометие, выражающее удивление говорящего.

Выводы по параграфу 3.10

В заключение настоящего параграфа отметим, что важным фактором взаимопроницаемости наречий и частиц в чешском языке является семантическая и синтаксическая полифункциональность.

3.11. Взаимопроницаемость чешских наречий и союзов

Как отмечалось выше, категории наречий и частиц в чешском языке тесно связаны между собой. Эта близость объясняет и наличие единиц, относящихся к зоне синкретизма наречий и союзов: таких в нашей картотеке 42, что составляет 7% периферии чешского наречия.

Союзы (или союзные слова), принадлежащие к синкретичной зоне – производные, имеющие довольно конкретную лексическую природу, соотносимую с таковой у наречий, преимущественно местоименных. (Отсюда и возможность четырехкратного перекрещивания: наречие – местоимение – частица – союз. В нашей картотеке это явление проиллюстрировано словоформой *co* что, как, примеры см. в параграфе 3.6.) Основной причиной взаимопроницаемости этих единиц является их **полифункциональность**, вызванная универсальностью семантики и ослабеванием синтаксической функции приглагольного обстоятельства: единица из носителя значения становится носителем отношения. Ср. нижеприведенные примеры.

- *Zoran a Dragomir jsou také neznámo* ***kde****, o nejstarším bratru Sretenovi jeho obhájce tvrdí, že se léčí v Rusku.* Зоран и Драгомир тоже неизвестно **где**, о старшем брате Сретене его адвокат утверждает, что он лечится в России. В этом контексте ***kde*** – наречие (местоименное), являющееся приглагольным обстоятельством.
- *Do Prahy se stěhují zpočátku na Spořilov,* ***kde*** *Křelina učí na místní škole.* В Прагу переезжают сначала в Споржилов, **где** Кршелина преподает в местной школе. Здесь ***kde*** – союз (союзное слово), связывающий части сложноподчиненного предложения.

В картотеке анализируемого материала также имеется 1 единица, находящаяся в зоне синкретизма 3 частей речи: наречия, союза и частицы: *až* вплоть (до) / когда, пока / только, даже, а также присутствуют 2 единицы, входящие в синкретичную зону 4 частей речи: наречия, союза, частицы и

междометия: *kdežpak* и *kdepak* где, куда / где (там), куда (там). Приведем примеры функционирования названных единиц.

- *Vede sem odbočka Transsibiřské magistrály, která pokračuje **až** do Pekingu.* Сюда ведет ответвление от Транссибирской магистрали, которое продолжается **вплоть** до Пекина. В данном контексте ***až*** – наречие образа действия.
- ***Až** pojedeme do hor, koupím si novou čepici.* **Когда** поедем в горы, я куплю себе новую шапку. В указанном примере ***až*** – временной союз, соединяющий части сложноподчиненного предложения.
- ***Až** nezvykle sebevědomý výkon zdobil domácí hráče v bílozelených dresech.* **Только** необычно уверенная игра украшала хозяев в бело-зеленых формах. В этом случае ***až*** – усилительная частица.
- ***Kdepak** máš svou gorilku?* **Где** у тебя горилка? Здесь ***kdepak*** – наречие (местоименное).
- *Dítě se stále ptalo maminky, **kdepak** je tatínek.* Ребенок постоянно спрашивал маму, **где же** папа. В приведенном контексте ***kdepak*** – союз (союзное слово), соединяющий части сложноподчиненного предложения.
- *Je-li člověk po většinu života obklopen agresivní hloupostí, snadno propadne zdání, že sám je moudrý. – Ale **kdežpak**, to není pravda.* Если человек большую часть жизни окружен агрессивной глупостью, он с легкостью поддастся ложной мысли, что он мудрый. – **Куда там**, это неправда. В этом примере ***kdežpak*** – усилительная эмоциональная частица.
- ***Kdežpak**! Ze všeho nejvíce a nejdéle jsem se potýkal s všedností, tedy s nudou, s touto typickou potíží českého nihilisty.* **Куда там**! Из всего я чаще всего и дольше всего сталкивался с обыденностью, т.е. со скукой, с этой типичной проблемой чешского нигилиста. Здесь ***kdežpak*** – это междометие, выражающее эмоцию говорящего.

Выводы по параграфу 3.11

Взаимопроницаемость союзов (союзных слов) и наречий возможна, прежде всего, благодаря близости значений синкретичных единиц – они являются обстоятельственными и при этом довольно универсальными. Важно также учитывать то, что к этой синкретичной зоне относятся преимущественно местоименные наречия, обладающие тенденцией к ослаблению синтаксической функции обстоятельства (в большинстве случаев – приглагольного) в предложении.

3.12. Взаимопроницаемость чешских наречий и категории состояния

В картотеке анализируемого материала зона синкретизма наречий и категории состояния представлена 43 единицами, что составляет 7% периферии наречия в чешском языке.

Основной причиной взаимопроницаемости чешских наречий и категории состояния является общность их обстоятельственного значения образа действия, а также одинаковая внешняя форма (в большинстве случаев). Благодаря этому единицы, находящиеся в этой зоне синкретизма, приобретают **полифункциональность** и употребляются в разных контекстах как наречия и как категория состояния. Ср. примеры ниже.

- *Vypadalo to již dost **zle**, ale byla to jen předehra k fiasku Roberta Calviho.* Это уже выглядело достаточно **плохо**, но это была только увертюра к фиаско Роберта Калви. В этом случае ***zle*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- *Muselo uběhnout hodně času, aby ti bylo takhle **zle**.* Должно было пройти много времени, чтобы тебе было так **плохо**. Здесь ***zle*** – категория состояния в составе сказуемого.

В нашей картотеке также имеется 1 единица (*běda* беда, горе), которая относится к зоне синкретизма 4 классов и разрядов слов: существительного, междометия, наречия и категории состояния. См. приведенные примеры.

- ***Běda**! Výpověď se nemá měnit!* **Увы**! Показания не следует менять! В этом контексте ***běda*** – междометие.
- *Chránili mě až **běda**.* Охраняли меня **жутко**. Здесь ***běda*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- *Je mi **běda**!* **Горе** мне! В приведенном примере ***běda*** – категория состояния в составе сказуемого.

- *Královna, jako už předtím, hraje úlohu chóru předpovídajícího* ***bědu***. Королева, как и раньше, играет роль хора, предсказывающего **беду**. В этом случае ***běda*** – существительное в позиции дополнения.

Выводы по параграфу 3.12

Резюмируя сказанное, отметим, что зона синкретизма наречий и категории состояния занимает заметную часть периферии чешского наречия, что связано с полифункциональностью единиц, относящихся к этой зоне. Существующая полифункциональность обусловлена общностью их семантики, внешней формы и близостью выполняемых в предложении синтаксических функций.

3.13. Взаимопроницаемость чешских наречий и модальных слов

12 единиц нашей картотеки относится к зоне периферии наречий и модальных слов, что соответствует 2% периферии чешского наречия.

Одной из возможных причин взаимопроницаемости наречий и модальных слов является **полифункциональность** синкретичных единиц, обусловленная их широкой семантикой. Сближению наречий и модальных слов также способствует наличие единиц, промежуточных между наречиями и частицами, имеющих выраженные модальные значения, например: *možná, možno* может быть. Эти единицы входят в зону синкретизма 3 классов и разрядов слов: наречий, частиц и модальных слов. Нельзя пренебрегать и тем фактом, что наречие обладает своеобразной синтаксической связью с определяемым словом, не будучи согласованным с ним и примыкая к нему как обстоятельственная характеристика, «…видоизменяя и осложняя их значения» [Виноградов, 2001, с. 325]. Эта связь может ослабнуть, и непосредственное синтаксическое отношение наречия к определяемому слову может прерваться, что служит предпосылкой для взаимопроницаемости наречий и модальных слов.

Для пояснения сказанного приведем несколько примеров.

- *Dost **možná**, že tam nepůjde.* Очень вероятно, что он туда не пойдет. В этом контексте ***možná*** – наречие образа действия в составе сказуемого.
- *Vzal noviny a položil je co **možná** nejdále.* Он взял газету и положил её как **можно** дальше. Здесь ***možná*** – усилительная частица.
- ***Možná** se jednou opravdu plavat naučím.* **Может быть**, однажды я действительно научусь плавать. В приведенном примере ***možná*** – модальное слово.
- *Najdeme na internetu rozdíly? **Ano**. Ne všechny portály nabízejí veškeré pojišťovny.* Мы найдем в Интернете различия? **Да**. Не все порталы предлагают разные страховые компании. В этом случае ***ano*** – модальное

слово, выражающее отношение говорящего к происходящему и находящееся вне предложения.

- *Kdyby ceny rostly někde v lese a já se za nimi musel plížit, pak možná* ***ano***. Если бы цены росли где-то в лесу, и мне надо было бы за ними ползти, тогда, может быть, **ладно**. Здесь ***ano*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.
- *Logikou se nelze dobrat toho?* ***Lze****. Ale bude to těžký.* Нельзя дойти до этого логически? **Можно**. Но это будет тяжело. В этом контексте ***lze*** – модальное слово, передающее отношение и мнение говорящего. Единица находится вне предложения, не являясь его членом.
- *Hřích byl nyní vnímán jako stálý úkaz dokonce i křesťanského života a ne již jako znamení pohanského způsobu života , kterého by se měli zbavit a kterého se zbavit* ***lze***. Грех в настоящее время понимался как постоянное явление даже и христианской жизни, а не только как знак языческого образа жизни, от которого они должны были избавиться и от которого избавиться **возможно**. В приведенном примере ***lze*** – наречие образа действия в позиции обстоятельства.

Выводы по параграфу 3.13

Подытожим изложенное: зона синкретизма наречий и модальных слов составляет небольшой фрагмент периферии чешского наречия. Взаимопроницаемость наречий и модальных слов возможна за счет полифункциональности единиц, входящих в зону синкретизма. Единицы полифункциональны благодаря своей семантике, отражающей не только оттенки модальности, но и образ (способ) какого-либо действия, и связанной с этим способности как быть вне предложения, так и выступать в роли обстоятельства.

3.14. Пересечения синкретичных зон периферии наречия в чешском языке

В предыдущих параграфах неоднократно упоминалось, что периферия чешского наречия не состоит из ряда отдельных синкретичных зон. Зоны синкретизма пересекаются между собой, создавая благоприятные условия для взаимопроницаемости нескольких частей речи. В этом отношении речь не идет уже о перекрещивании наречия с какой-либо одной частью речи, явление синкретизма затрагивает единицы, принадлежащие трем или даже четырем классам и разрядам слов.

Поскольку ранее мы приводили примеры и описывали причины возникновения подобной взаимопроницаемости, в этом параграфе мы резюмируем сказанное в виде схемы (см. схему №4) и представим перекрещивания синкретичных зон периферии чешского наречия более наглядно.

Выводы по параграфу 3.14

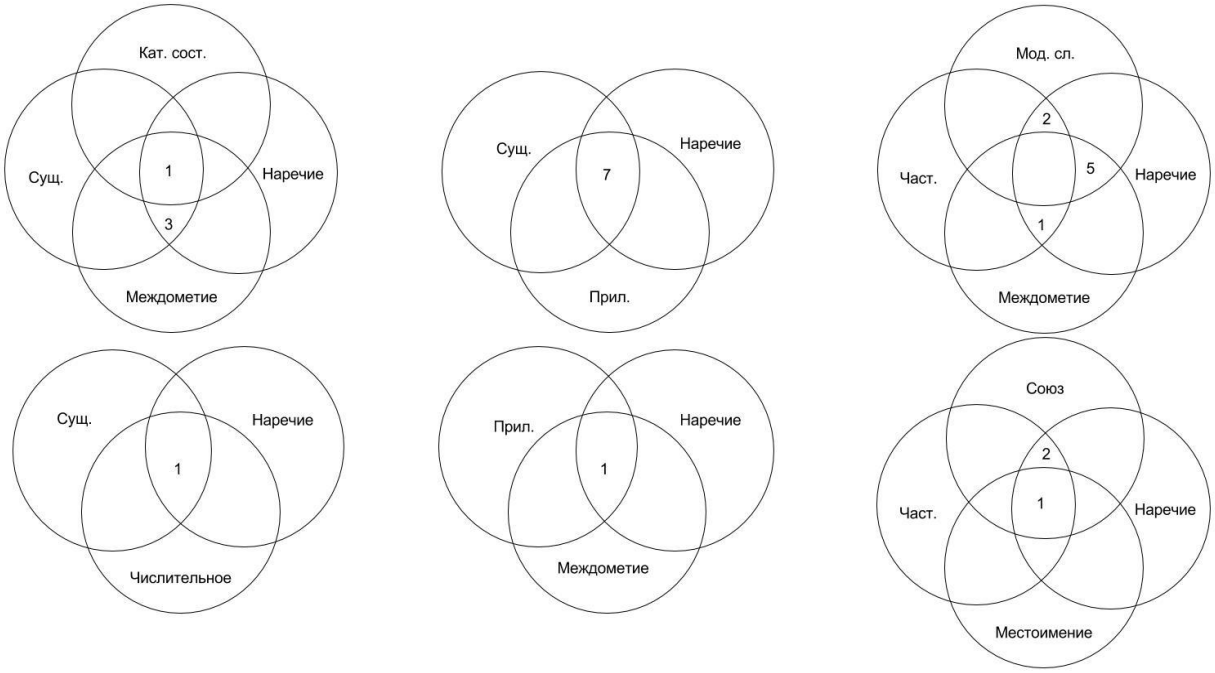

Схема №4.

3.15. Процессы неологизации и заимствования иностранных слов. Место новообразований в системе чешского наречия

Лексика – это наиболее подвижная часть любого языка, она непрерывно совершенствуется, обновляется, реагирует на перемены в окружающей действительности, т.е. развивается вместе с жизнью. За последние годы в связи с прогрессом науки, культуры, техники, промышленности, изменениями социального строя в современном чешском языке появились новые слова и словосочетания, служащие названиями новых предметов, явлений, понятий. Такие лексические единицы принято называть неологизмами [Martincová ,1983, с. 11].

Неологизмы, т.е. образования, «возникшие на памяти применяющего их поколения» [Головин, 1983, 68], еще не стали привычными и повседневными наименованиями соответствующих реалий и сохранили оттенок свежести и новизны.

В этом параграфе мы рассмотрим неологизмы, относящиеся к классу наречий (в ходе дальнейшего изложения будем называть их **неологизмы-наречия**), которые имеют широкое распространение в современном чешском языке. Для эксцерпции материала были использованы данные словаря неологизмов «Nová slova v češtině» под редакцией О. Мартинцовой, чешского Интернета, а также Национального корпуса чешского языка. Наша картотека составляет 281 единицу[7].

Процессы неологизации являются актуальными и продуктивными в современном чешском языке и вызваны как **внеязыковыми**, так и **собственно языковыми** причинами.

В первом случае возникновение неологизмов тесно связано с прогрессом в различных сферах человеческой жизни: неологизмы появляются для обозначения новых реалий, явлений и понятий (*hardwarově* в отношении аппаратного обеспечения, *webově* с помощью сети Интернет).

[7]Полный список используемых для анализа неологизмов и заимствований см. в Приложении 3.

Собственно языковые причины образования неологизмов заключаются прежде всего в необходимости устранить полисемию или возможную омонимию существующих в языке единиц, а также внести стилистические или смысловые отличия в их функционирование, ср.: *hrát bigbít, ale* ***soft/jemně*** играть бигбит, но **мягко** (в первом случае используется музыкальный термин, во втором – общеупотребительное слово), *udělat všechno* ***libově/snadno*** сделать все **с легкостью (играючи) / легко** (различие в экспрессивности), *to je* ***nabušeně*** *vzrušující* это **ужасно / до крайности** волнительно // *to je* ***moc*** *vzrušující* это **очень** волнительно (разная степень эмоциональности).

Неологизмы-наречия имеют разные способы образования и области функционирования, поэтому их можно классифицировать различными способами в зависимости от критериев их оценки [Розенталь, 2006, с. 78-81]. В зависимости от способов образования новых слов выделяются **лексические** и **семантические** неологизмы-наречия, в зависимости от целей их создания – **номинативные** и **стилистические**. По принципу вхождения / невхождения в язык неологизмы-наречия можно разделить на **общеязыковые** неологизмы и **окказионализмы**, свойственные устной речи, а также и публицистике. Неологизмы-заимствования в различной степени адаптируются языком, что также позволяет выделить среди них несколько групп. Представим классификацию собранного нами материала и проанализируем способы возникновения и особенности функционирования отдельных неологизмов-наречий.

1. Итак, в зависимости от способа появления различаются неологизмы **лексические**, которые создаются по продуктивным моделям или заимствуются из других языков, и **семантические**, которые возникают в результате «присвоения» новых значений уже существующим словам. Лексические неологизмы составляют большую часть собранного нами материала: 270 единиц. Семантические неологизмы-наречия, в отличие от лексических, встречаются крайне редко, в нашей картотеке их насчитывается всего 11.

Среди лексических неологизмов-наречий по словообразовательному признаку можно выделить слова:

1) произведенные с помощью суффиксов (175 единиц): *bulvárně* в духе бульварной прозы, *internetovsky, internetmo* с помощью Интернета, *klipově* в форме клипа, *dotykově* по отношению к прикосновениям (***dotykově*** *citlivý monitor* чувствительный к прикосновениям монитор, ***dotykově*** *citlitvá obrazovka* чувствительный к прикосновениям экран);

2) произведенные с помощью приставок (72 единицы): *nadsoučasně* вне времени, *proevropsky* проевропейски;

3) суффиксально-префиксальные образования (8 единиц): *po havlovsku* в стиле Гавела, *po klausovsku* в стиле Клауса;

4) наименования, созданные путём словосложения (16 единиц): *celoobrazkově* в полноэкранном режиме, *celoplošně* в полном объеме, *multikulturně* в мультикультурном отношении, *nízkoenergeticky* с низким расходом энергии.

В качестве примеров семантических неологизмов-наречий можно привести следующие единицы:

- *libově* легко (первоначальное значение – постно, нежирно): ср. *Dnes maminka uvařila oběd* ***libově.*** Сегодня мама приготовила **постный** обед. / *Filmový hrdina opět* ***libově*** *zvítězil*. Киногерой опять **с легкостью** победил;
- *natvrdo* с полной уверенностью (изначально – 1) (яйцо) вкрутую, 2) настрого): ср. *Uvařím vejce* ***natvrdo.*** Сварю яйцо **вкрутую.** / *Toto můžu říct* ***natvrdo.*** Это я могу сказать **с полной уверенностью**;
- *černě* в стиле черного юмора (ранее – (о цвете) черно): ср. *Všude je tma, venku je* ***černě.*** Везде темно, на улице **мрачно.** / *Líbí se mi rychlé* ***černě*** *anekdotické scény tohoto filmu*. Мне нравятся быстрые **по-черному** смешные сцены этого фильма;
- *nastojato* всего (первоначально – стоймя, вертикально): ср. *Dej ty lyže do chodby* ***nastojato.*** Поставь лыжи **вертикально** в коридоре. / *Tady máte přehled*

nabídnutých a prodaných objemů dříví ***nastojato*** *v roce 2013.* Перед вами обзор **всех** предложенных и проданных объемов древесины за 2013 год (= всего);

- *hvězdně* свойственным для (поп-, кино- и т.д.) звезды образом (исходное значение – (о небе) звездно): ср. *Dnes je tak* ***hvězdně.*** Сегодня такое **звездное небо.** / *Vypadáš* ***hvězdně.*** Ты выглядишь, **как звезда**.

2. В зависимости от целей создания новых слов, их назначения в речи все неологизмы можно разделить на **номинативные** и **стилистические**. Первые выполняют в языке чисто назывную функцию, а вторые дают образную характеристику реалиям и явлениям, которые уже имеют названия.

Появление номинативных неологизмов диктуется потребностями развития общества, успехами науки и техники. Эти неологизмы возникают как названия новых понятий: *mobilně* с помощью мобильного телефона, *xeroxově* с помощью ксерокса, ксероксом, *unplugged* без подключения к электросети. Номинативные неологизмы обычно не имеют синонимов, хотя возможно одновременное возникновение конкурирующих вариантов (*internetovsky / internetmo* с помощью Интернета). Основная масса номинативных неологизмов – это термины, которые пополняют узкоспециальную лексику и со временем могут становиться общеупотребительными. Номинативные неологизмы-наречия составляют большую часть картотеки собранного материала: 267 единиц.

Стилистические неологизмы создаются как образные наименования уже известных предметов и явлений: *Student šel* ***nadrzo / troufale****, spoléhal, že to nějak dopadne.* Студент шел **напролом** / **смело**, надеялся, что пронесет (различие в экспрессивности); *Žije* ***singl / sám.*** Он живет **холостяком** / **один** (различная степень эмоциональности + смысловые отличия); *Cítím se* ***šmejdsky / špatně.*** Я себя **отвратительно** / **плохо** чувствую (различие в экспрессивности). Стилистические неологизмы имеют синонимы, уступающие им по интенсивности эмоциональной окраски. В силу своей экспрессивности стилистические неологизмы употребляются прежде всего в разговорном языке и публицистике. Однако частое употребление этих неологизмов может

способствовать их переводу в активный словарный запас и нейтрализации стилистической окраски. Наша картотека насчитывает всего 14 стилистических неологизмов-наречий, что свидетельствует о их низкой частотности.

3. В зависимости от условий создания неологизмы-наречия следует разделить на **общеязыковые**, появившиеся вместе с новым понятием или новой реалией, и **окказионализмы**, возникновение которых обусловлено определённым контекстом.

Подавляющее большинство неологизмов относится к первой группе (243 единицы), например: *vegansky* по-вегански, *digitálně* в цифровом формате, *pamětově* в отношении памяти электронного устройства.

Окказионализмы, содержащиеся в нашей картотеке (их всего 38), являются преимущественно публицистическими по происхождению и встречаются в газетных и журнальных статьях и заголовках, а также в Интернет-изданиях, например: *bonmotově* в шутку (***Bonmotově*** *se říkalo, že Jelcin se prohlašuje za demokrata proto, že neví, co je demokracie.* **В шутку** говорили, что Ельцина считают демократом, потому что он не знает, что такое демократия.), *čtyřkoaličně* (досл.) *четырехкоалиционно (***čtyřkoaličně*** *svázání potenciální spojenci ODS* потенциальные приверженцы Гражданской демократической партии, связанные **в составе четырех коалиций**), *eurorealisticky* (досл.) *евророеалистически (*ODS se ve vztahu k dalším českým politickým subjektům deklarují* ***eurorealisticky*** Гражданская демократическая партия по отношению к другим чешским политическим субъектам заявляет о себе **с позиций евророеализма**). Лишь один из представленных в картотеке окказионализмов имеет определённого автора (О. Нефф): *mobilmo* по мобильному телефону. (*Zatelefonoval mi* ***mobilmo.*** Он позвонил мне **по мобильному телефону.**) По своей художественной значимости окказионализмы часто близки метафорам и сравнениям: в основе их создания лежит то же стремление открыть в слове новые смысловые грани, экономными речевыми средствами создать выразительный образ.

4. Остановимся несколько подробнее на одном из источников пополнения класса наречий в чешском языке – на **заимствовании** слов из иностранных языков. В современном чешском языке неологизмы-наречия заимствуются преимущественно из английского языка (68 единиц), например: *cash* наличными, *cyklo* на велосипеде, *live* вживую. Только одно заимствование, зарегистрированное в нашей картотеке, имеет своим источником русский язык: *perestrojkově* (досл.) *по-перестроечному.

В этом отношении интересна тенденция чешского языка к сохранению первоначального написания и произношения слова, как в языке-источнике (15 единиц картотеки), ср.: *free* свободно, *on-line* онлайн, *cool* превосходно. Следует отметить склонность таких единиц к полифункциональности в связи с универсальностью их формы, не имеющей отличительных признаков (аффиксов, словоизменения) определённой части речи чешского языка: чаще всего они выступают и как наречия, и как прилагательные. Ср.*: dát se do něčeho* ***profi*** взяться за что-то, **как профессионал** */ to je* ***profi*** *člověk* это **профессиональный** человек*, žije* ***singl*** живет **один** (**= в одиночестве**) / *jsem* ***singl*** я **одинок***, sousedka je ostříhaná* ***super*** соседка подстрижена **супер** */ tato sukně je* ***super*** эта юбка **супер**.

Подобная полифункциональность может быть объяснена взаимопроницаемостью частей речи и заимствуется из английского языка, где языковая единица зачастую выступает и как прилагательное, и как существительное, и как наречие в зависимости от синтаксической функции в предложении. Поэтому часть неологизмов-заимствований находится на периферии чешского наречия, в т.н. зоне синкретизма.

Однако в некоторых случаях заимствования постепенно ассимилируются чешским языком (47 единиц):

- приспосабливаются к его звуковой системе: *digitálně [g]* (англ. *digitally [ʤ]*) в цифровом формате;
- подчиняются правилам чешского словообразования и обрастают словообразовательными аффиксами, свойственными чешскому языку:

houmlesácky (англ. *homeless*) как человек без определённого места жительства, *šoumensky* (англ. *showman*) эффектно;

- приобретают написание в соответствии с правилами чешской орфографии: *singl* (англ. *single*) в одиночестве.

В картотеке собранного нами материала присутствует также один пример **калькирования**, т.е. построения лексических единиц по образцу соответствующих слов иностранного языка путём точного перевода: *celoobrazkově* (ср. англ. *full-screen*) в полноэкранном режиме.

Выводы по параграфу 3.15

Таким образом, неологизация является богатым источником пополнения класса наречий в чешском языке. Неологизмы-наречия преимущественно являются лексическими, номинативными и общеязыковыми. Значительную часть неологизмов-наречий составляют в той или иной мере ассимилированные заимствования из английского языка. Бóльшая часть неологизмов имеет характерные для наречий семантические, морфологические и синтаксические признаки и потому входит в ядерную часть этого класса слов. Неассимилированные неологизмы-заимствования зачастую остаются на периферии наречия, т.к. сохраняют свойственную им в языке-источнике полифункциональность, которая объясняется их взаимопроницаемостью с классами прилагательных и существительных.

3.16. Полевая структура чешского наречия

В ходе предшествующего изложения мы уже выявили структуру периферии чешского наречия и охарактеризовали каждую из синкретичных зон, входящих в неё. Для наглядности представим результаты проведенного анализа в виде диаграммы – см. схему №5.

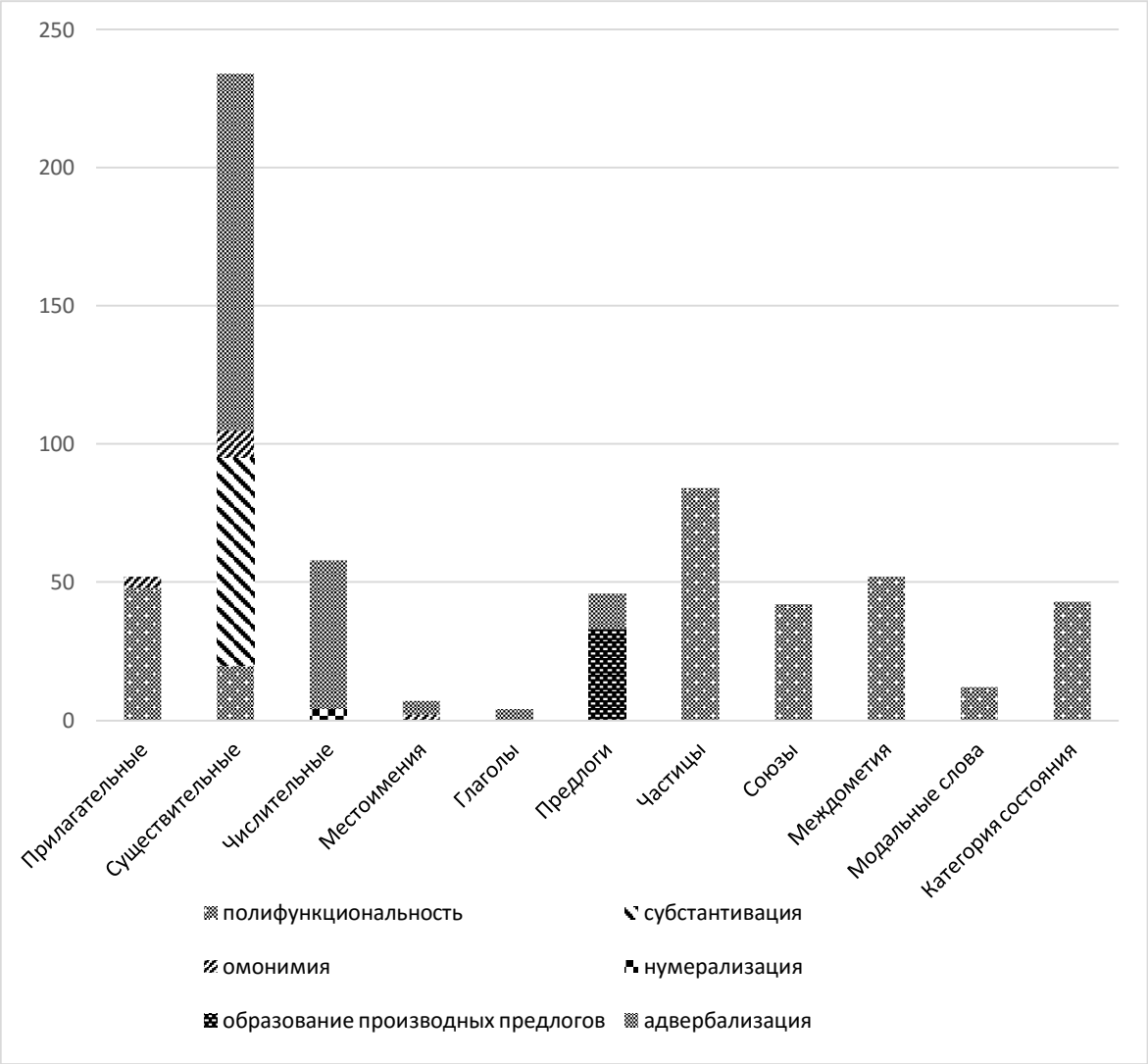

Схема №5.

Мы пришли к выводу, что существует ряд аспектов, обусловливающих тенденцию единиц к взаимопроницаемости. Ниже приводим их краткий список.

1. Сосуществование адвербиализированных и неадвербиализированных словоформ в языке – 32% синкретичных единиц.

2. Параллельное существование субстантивированных и несубстантивированных наречий в языке – 12% синкретичных единиц.
3. Сосуществование нумерализированных и ненумерализированных словоформ в языке – 1% синкретичных единиц.
4. Омонимия языковых единиц (в узком и широком смысле) и их семантическая многомерность – 3% синкретичных единиц.
5. Синтаксическая полифункциональность, а также тенденция к ослаблению синтаксической роли в предложении – 52% синкретичных единиц.

Соответственно, единицы, обладающие противоположными характеристиками, не подвержены явлению синкретизма и составляют ядерную часть класса наречий в чешском языке. Перечислим эти характеристики.

1. Наречие возникло путём адвербиализации другой части речи с последующей утратой исходной словоформы.
2. Наречие не имеет омонимичных форм, относящихся к иным классам слов.
3. Наречие обладает ярко выраженной целостной обстоятельственной семантикой без доминантной эмоциональной, модальной и прочих не характерных для семантики наречия составляющих.
4. Наречие в предложении выполняет функцию обстоятельства и имеет довольно тесную связь с определяемым словом (в рамках примыкания как подчинительной связи).

Выводы по параграфу 3.16

В современном чешском языке наречие является широкой, неоднородной в плане семантики и грамматики категорией. Наречие включает в себя сложную систему довольно далеких друг от друга типов слов и служит сферой

взаимодействия между частями и частицами речи. Благодаря многомерности своих признаков наречие перекрещивается с другими частями речи: это изначально выдвинутое нами положение подтвердилось приведенным выше анализом периферии чешского наречия.

Заключение

1. Несмотря на то, что история теории частей речи насчитывает более 25 столетий, в ней до сих пор существуют открытые вопросы, требующие тщательного рассмотрения. Одним из таких вопросов является классификация частей речи, а именно явление взаимопроницаемости классов слов, лабильность и размытость границ между ними, а также место синкретичных единиц в системе языка.

Частеречная взаимопроницаемость объясняется тем, что классы слов не являются замкнутыми группами единиц, границы между ними диффузны. Отсюда следует, что схема классической теории частей речи не дает ответа на многие возникающие вопросы: одна и та же словоформа может принадлежать сразу к нескольким частям речи.

Неудивительно, что взаимопроницаемость классов слов вызвала большой резонанс в лингвистическом научном сообществе, и изучалась многими известными отечественными и зарубежными учёными, например, Н. Д. Арутюновой, А. Т. Кривоносовым, Е. В. Гулыгой, А. Е. Супруном, В. Н. Ярцевой, М. Д. Степановой, В. В. Бабайцевой, М. Докулилом, Й. Филипцем, и другими.

Неугасающий интерес к этой теме спровоцировал появление разных терминов, описывающих изучаемое явление: «взаимопроницаемость», «синкретизм», «конверсия», «переход», «взаимопереход», «перекрещивание», «пересечение», «транспозиция», «несобственная деривация» и проч. В настоящей работе мы придерживались концепций А. Т. Кривоносова и В. В. Бабайцевой и использовали термины «взаимопроницаемость частей речи», «перекрещивание частей речи», «синкретичные образования», «зона синкретизма», т.к. они, по нашему мнению, наилучшим образом отражают двунаправленность этого языкового явления, а также его сущность и природу: диффузность границ классов слов. «Переходность» единиц – вопрос спорный, поскольку единица не «уходит» окончательно из одной части речи в другую.

В диссертационной работе взаимопроницаемость рассматривалась как явление, происходящее в структуре предложения. Это представляется целесообразным, поскольку структура предложения, внутри которого слово выполняет определённую синтаксическую функцию, обусловленную его семантикой и частеречным категориальным значением, способна изменить дифференциальные признаки этого слова и тем самым создать предпосылки для взаимопроницаемости.

Также в настоящем исследовании были сформулированы причины употребления термина «омонимия» в отношении функционирования синкретичных единиц. Омонимия понимается не просто как омофония, или относительная омонимия, а как **частеречная омонимия**. Это обусловлено тем, что омонимичным является не лексическое значение (напротив, в этом отношении в большинстве случаев наблюдается очевидная близость семантики, её взаимное проникновение), а значение частеречное, грамматическое.

При выделении частей речи большое значение имеют и семантические, и грамматические (морфологические и синтаксические) признаки. Однако сами части речи представляют собой классы слов с общим абстрактным значением, выраженным грамматическим оформлением, где первое место всегда занимает сторона синтаксическая, а морфологическая и, тем более, семантическая стоят на втором месте. Чтобы получить наиболее объективный и репрезентативный результат, в диссертации применялся **структурно-семантический подход (полидифференциальный принцип)** к разграничению частей речи, т.к. он подразумевает использование семантического, формального и функционального критериев выделения классов слов и позволяет рассмотреть все их аспекты в полной мере.

В настоящем исследовании было подтверждено положение В. В. Бабайцевой о том, что основным условием явления взаимопроницаемости в системе классов слов являются синтаксические функции частей речи, которые обусловлены их лексическими и категориальными значениями и служат

дифференциальным признаком того или иного класса слов. Доказательством послужил тот факт, что рассматриваемое явление происходит именно при функционировании слова в речи в целом и в предложении в частности, потому что в языке слово обладает отличительными признаками, но под влиянием синтаксической функции оно способно изменить их. Следствием взаимопроницаемости классов слов в языке являются функциональные омонимы и гибридные слова, входящие в **зоны синкретизма**.

2. Поскольку вышеупомянутые зоны синкретизма образованы прежде всего гибридными единицами, обладающими признаками (семантическими, морфологическими и синтаксическими), свойственными не одной части речи, а как минимум двум (634 единицы картотеки собранного материала), мы рассматривали это явление в рамках теории поля в лингвистике.

Основным предметом нашего интереса был парадигматический подход к полевым структурам в языке, а именно – к частям речи. Между «классическими» полевыми структурами, которыми обладают физические явления (теория поля зародилась именно в естественных науках, откуда пришла в гуманитарные), и полевыми структурами в грамматике существуют принципиальные различия. Главной особенностью грамматического поля (и, конкретнее, частеречного) является неравномерная насыщенность разных секторов периферии, более или менее равномерно удаленных от ядра, теми или иными признаками данной единицы.

3. В диссертационной работе была выявлена зависимость неоднородности класса наречий в чешском языке и подверженности его единиц взаимопроницаемости.

Несмотря на то, что наречие является древним лексико-грамматическим классом слов, основную часть адвербиальной лексики составляют мотивированные наречия, возникшие в результате действия процессов адвербиализации. Базой для образования наречий послужили полные и краткие

прилагательные, существительные, числительные, местоимения, глагольные формы.

Морфологическая неоднородность наречий как следствие активной адвербиализации способствует многомерности их признаков, которая обусловливает их полевую структуру, содержащую ядерную и периферийную области. Многомерность наречий проявляется в полифункциональности отдельных единиц, что объясняется близостью их морфологических и синтаксических признаков к морфологическим и синтаксическим признакам других частей речи, а также наличием общего понятийного сегмента.

Главным объектом исследования стала периферия чешского наречия, и на основании собранного и проанализированного материала (картотека содержит 14 177 единиц) нами были выделены следующие зоны синкретизма:

- наречие – имя существительное (234 единицы);
- наречие – имя прилагательное (52 единицы);
- наречие – имя числительное (58 единиц);
- наречие – местоимение (7 единиц);
- наречие – глагол (4 единицы);
- наречие – междометие (52 единицы);
- наречие – предлог (46 единиц);
- наречие – союз (42 единицы);
- наречие – частица (84 единицы);
- наречие – модальные слова (12 единиц);
- наречие – категория состояния (43 единицы).

Необходимо отметить, что в зону синкретизма не всегда входят единицы только двух классов или разрядов слов. Зоны синкретизма способны перекрещиваться, создавая благоприятные условия для взаимопроницаемости нескольких частей речи. Нами были выявлены следующие пересечения синкретичных зон:

- наречие – имя существительное – категория состояния – междометие (1 единица),
- наречие – имя существительное – междометие (3 единицы),
- наречие – имя существительное – имя прилагательное (7 единиц),
- наречие – частица – модальные слова (2 единицы),
- наречие – частица – междометие (1 единица),
- наречие – междометие – модальное слово (5 единиц),
- наречие – имя существительное – имя числительное (1 единица),
- наречие – имя прилагательное – междометие (1 единица),
- наречие – местоимение – союз – частица (1 единица),
- наречие – частица – союз (2 единицы).

В результате проведенного анализа синкретичных зон чешских наречий и других классов и разрядов слов были сформулированы основные причины их взаимопроницаемости.

1) Сосуществование адвербиализированных и неадвербиализированных словоформ в языке.

Значительную долю зоны синкретизма чешских наречий и других классов и разрядов слов составляют адвербиализированные единицы, функционирующие наряду со своими неадвербиализированными омонимами: в синкретичной зоне наречие-существительное – 128 единиц, наречие-числительное – 54 единицы, наречие-местоимение – 5 единиц, наречие-глагол – 4 единицы, наречие-предлог – 13 единиц.

2) Параллельное существование субстантивированных и несубстантивированных наречий в языке.

Взаимопроницаемость возможна благодаря сосуществованию субстантивированных наречий, имеющих несубстантивированные аналоги (75 единиц).

3) Сосуществование нумерализированных и ненумерализированных словоформ в языке.

Параллельное функционирование нумерализированных и ненумерализированных форм в соответствующих синтаксических позициях засвидетельствовано для 4 единиц картотеки собранного материала.

4) Омонимия языковых единиц.

Также необходимо учитывать фактор омонимии, который участвует в создании предпосылок для взаимопроницаемости единиц в силу их формального сходства. Больше всего омонимичных единиц было отмечено в зоне синкретизма наречие-предлог в силу образования производных предлогов от наречий (33 единицы картотеки). Также омонимия является одной из причин взаимопроницаемости для синкретичных зон наречие-существительное (5 единиц), наречие-прилагательное (4 единицы) и наречие-местоимение (2 единицы).

5) Многомерность семантики.

Наречие далеко не всегда обладает отчетливо выраженной целостной обстоятельственной семантикой без доминантной эмоциональной, модальной и других не характерных для семантики наречия составляющих. Многомерность семантики влечет за собой потенциальное отсутствие жесткой привязанности к синтаксической функции и, как следствие, становится одной из причин взаимопроницаемости частей речи.

6) Синтаксическая полифункциональность, а также тенденция к ослаблению синтаксической роли в предложении.

Однако залогом взаимопроницаемости являются не только семантическая многомерность, адвербиализация, субстантивация и нумерализация единиц языка в сочетании с омонимией, но и полифункциональность ряда словоформ, заимствованных из других языков, ср.: *cash* (оплата) наличными / наличный / наличные деньги, *komplet* полностью / полный, целый / комплект, *fér* честный/честно, *on-line (online)* *онлайновый/онлайн. Из анализа материала можно заключить, что полифункциональность единиц – это основная причина взаимопроницаемости классов и разрядов слов. В зоне синкретизма наречие-

существительное полифункциональных единиц 20, наречие-прилагательное – 48, наречие-междометие – 52, наречие-частица – 84, наречие-союз – 42, наречие-категория состояния – 43, наречие-модальное слово – 12.

Также мы пришли к выводу, что причины и предпосылки взаимопроницаемости не всегда бывают внутриязыковыми, т.е. не находятся в плоскости только одного языка (в нашем случае – чешского). Неологизация в сочетании с активным заимствованием единиц из иностранных языков приводит к тому, что неассимилированные неологизмы-заимствования зачастую остаются на периферии наречия, т.к. сохраняют свойственную им в языке-источнике полифункциональность.

На основании выявленных факторов взаимопроницаемости чешских наречий и других классов и разрядов слов, мы получили характеристики, которыми обладают единицы, принадлежащие ядерной зоне наречия в чешском языке.

1) Возникновение путём адвербиализации другой части речи с последующей утратой исходной словоформы.
2) Отсутствие омонимичных форм, относящихся к иным классам слов.
3) Ярко выраженная целостная обстоятельственная семантика без доминантной эмоциональной, модальной и прочих не характерных для семантики наречия составляющих.
4) Обстоятельственная функция в предложении и довольно тесная связь с определяемым словом (в рамках примыкания как подчинительной связи).

Проведенное диссертационное исследование имеет обширные перспективы: актуальным и важным направлением нам представляется более детальное изучение причин взаимопроницаемости других многомерных классов и разрядов слов чешского языка, выявление общих и различных паттернов, уточнение существующей классификации частей речи чешского языка.

В современном чешском языке периферия наречия является областью взаимодействия и взаимопроницаемости частей и частиц речи. Как было заявлено в начале исследования, предрасположенность наречия к синкретизму в полной мере объясняется многомерностью и неоднородностью его семантических, морфологических и синтаксических признаков.

Библиография

1. *Адмони, В. Г.* О подлинной точности при анализе грамматических явлений / В. Г. Адмони // Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских учёных на X Международном конгрессе лингвистов. – М.: Наука, 1967. – С. 23-27.
2. *Адмони, В. Г.* Основы теории грамматики / В. Г. Адмони; ред. В. М. Жирмунский, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон. – М.-Л.: Наука, 1964. – 106 с.
3. *Алпатов, В. М.* История лингвистических учений: Учебное пособие / В. М. Алпатов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – М., 1960. – № 2. – С. 71-79.
5. *Бабайцева, В. В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1983. – №5. – С. 35-42.
6. *Бабайцева, В. В.* Семантико-грамматические значения гибридных слов в современном русском языке / В. В. Бабайцева // Слово и предложение: Тезисы к научной лингвистической конференции. – Тамбов, 1971. – С. 108-110.
7. *Бабайцева, В. В* Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
8. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языкознания / Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
9. *Белый, В. В.* К вопросу о конверсии / В. В. Белый // Уч. зап. Мордовского ГУ, № 20. – Саранск, 1962. – С. 94-112.
10. *Блох, М. Я.* Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2002. – 160 с.

11. *Бондарко, А. В.* Аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9-12 апреля 2013 г. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 22-26.
12. *Бондарко, А. В.* К проблематике функционально-семантических категорий: Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1967. – №2. – С. 18-31.
13. *Бондарко, А. В.* Полевые структуры в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 12-28.
14. *Бондарко, А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
15. *Бондарко, А. В.* Функциональная грамматика / А. В. Бондарко; ред. В. Н. Ярцева. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.
16. *Брож, Л.* Адвербиальная перифрастика / Л. Брож. – Прага, 1971. – 100 с.
17. *Бюлер, К.* Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 501 с.
18. *Васильева, В. Ф.* Явление межъязыковой функциональной асимметрии в свете национальной специфики родственных языков (на материале русского и чешского языков) / В. Ф. Васильева // Славянский вестник. – М.: МАКС Пресс, 2004. – №2. – С. 53-59.
19. *Васильев, Л. М.* Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – №5. – С. 105-113.
20. *Ващенко, Д. Ю.* Система неопределённых местоимений в словацком языке / Д. Ю. Ващенко // М., 2016. – 223 с.

21. *Виноградов, В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов; ред. Г. А. Золотова. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
22. *Виноградов, В. В.* Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов // ВЯ. – 1960. – №5. – С. 3-17.
23. *Высоцкая, И. В.* Взаимодействие имени существительного и наречия в современном русском языке / И. В. Высоцкая // Croatia et Slavica Iadertina. – Zadar, 2008. – IV. – С. 207-224.
24. *Гайсина, Р. М.* Межчастеречные семантические поля / Р. М. Гайсина // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. – Уфа: Издательство БГУ, 1988. – С. 31–38.
25. *Головин, Б. Н.* Введение в языкознание. Учебное пособие для студентов филологических спец. Педвузов / Б. Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1983. — 231 с.
26. *Гулыга, Е. В.* Грамматика немецкого языка / Е. В. Гулыга, М. Д. Натанзон. – М.: Учпедгиз, 1957. – 355 с.
27. *Гулыга, Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
28. *Гумбольдт, В. фон* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37-297.
29. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 400 с.
30. *Зенков, Г. С.* Вопросы теории словообразования / Г. С. Зенков. – Фрунзе: Киргизский гос. ун-т, 1969. – 165 с.
31. *Иванов, В. В.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / В. В. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

32. *Иванова, И. П.* Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 286 с.
33. *Кацнельсон, С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение: научное издание / С. Д. Кацнельсон; ред. В. М. Жирмунский, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 110 с.
34. *Кривоносов, А. Т.* Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (Философские основы теоретической грамматики) / А. Т. Кривоносов. – М. – Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. – 847 с.
35. *Кубрякова, Е. С.* Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова; ред. В. Н. Ярцева, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон, А. А. Уфимцева, В. П. Нерознак. – М.: Наука, 1978. – 116 с.
36. *Кубрякова, Е. С.* Что такое словообразование? / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1965. – 77 с.
37. *Кузнецова, А. И.* Понятие семантической системы языка и методы её исследования: из истории разработки данной проблемы в современном зарубежном языкознании / А. И. Кузнецова. – М.: Изд-во Московского Университета, 1963 – 57 с.
38. *Лукин, О. В.* Античные теории языка в контексте истории частеречной проблематики / О. В. Лукин // VII чтения памяти профессора И. М. Тронского. – Спб.: ИЛИ РАН, 2003. – С. 53–58.
39. *Лукин, О. В.* Теория частей речи: традиция, эклектика, стереотипы / О. В. Лукин // Ярославский педагогический вестник. Серия «Социально-экономические и гуманитарные науки». – Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета, 2010. – № 2. – С. 128-132.
40. *Лукин, О. В.* Эклектичность теории частей речи: исторические предпосылки / О. В. Лукин // Актуальные проблемы германистики,

романистики и русистики (часть I): Материалы ежегодной научной конференции 3-4 февраля 2012 года. – Екатеринбург, 2012. – С. 98-104.

41. *Ляпичева, И. Л.* О сущности и свойствах лингвистического поля в условиях смены научной парадигмы / И. Л. Ляпичева. – URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2008_14/article/28.pdf (дата обращения: 30.07.2014).
42. *Матвеева, А. С.* Функционально-семантические направления в современной лингвистике / А. С. Матвеева // Молодой учёный. – 2014. – №11. – С. 342-344.
43. *Мещанинов, И. И.* Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов, М.-Л.: АН СССР, 1945. – 322 с.
44. *Муругова, Е. В.* Полевое рассмотрение системных отношений в словообразовании / Е. В. Муругова. – URL: http://tele-conf.ru/aktualnyie-problemyi-gumanitarnyih-distsiplin-i-prepo/polevoe-rassmotrenie-sistemnyih-otnosheniy-v-slovoobrazovanii.html (дата обращения: 02.03.2014).
45. *Мячина, А. В.* К вопросу об обратном образовании слов в английском языке / А. В. Мячина // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. – Л., 1960. – С. 124-148.
46. *Павлов, В. М.* Полевой подход и континуальность языковой системы / В. М. Павлов // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона. – СПб.: Наука, 1998. - С. 28-40.
47. *Пальцева, В. А.* Адвербиализация как один из источников пополнения класса наречий: процессы адвербиализации в чешском языке / В. А. Пальцева // Наука и мир. Рубрика «Филологические науки». – Волгоград: Научное обозрение, 2014. - № 7 (11). – С. 55-57.
48. *Пальцева, В. А.* Адвербиализация как основной источник пополнения класса наречий: процессы адвербиализации в чешском языке /

В. А. Пальцева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А. И. Андреев, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. - Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

49. *Пальцева, В. А.* Адвербиализация как основной источник пополнения класса наречий: процессы адвербиализации в чешском языке / В. А. Пальцева // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Материалы XX–XXI Международных конференций студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов»: Секция «Филология» / Ред.-сост. А. Е. Беликов. – М.: Издательство Московского университета, 2015. — Выпуск 6. – С. 433-438.
50. *Пальцева, В. А.* Наречие в современном чешском языке в ракурсе взаимопроницаемости частей речи (на материале наречий и имён существительных) / В. А. Пальцева // Университетский научный журнал. Серия «Филологические и исторические науки, искусствоведение». – СПб: СПб университетский консорциум, 2016. - № 18. – С. 175-181.
51. *Пальцева, В. А.* Наречие в современном чешском языке в ракурсе взаимопроницаемости частей речи (на материале наречий и предлогов) / В. А. Пальцева // Университетский научный журнал. Серия «Филологические и исторические науки, искусствоведение». – СПб: СПб университетский консорциум, 2015. - № 11. – С. 97-102.
52. *Пальцева, В. А.* Неологизмы как один из основных источников пополнения класса наречий в чешском языке / В. А. Пальцева // Научное мнение. Серия «Философские и филологические науки, искусствоведение». – Спб: СПб университетский консорциум, 2014. - № 9. – С. 166-170.
53. *Пальцева, В. А.* Неологизмы как один из основных источников пополнения класса наречий в чешском языке / В. А. Пальцева //

Славянский мир: общность и многообразие: Тезисы молодёжной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. – М.: Институт Славяноведения РАН, 2014. – С. 33.

54. *Плохута, В. А.* Наречие в современном чешском языке в ракурсе перекрещивания частей речи (на материале наречий и предлогов) / В. А. Плохута // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 293-295.
55. *Попова, З. Д.* Общее языкознание: Учебное пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 408 с.
56. *Попова, З. Д.* Полевые структуры в системе языка: Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева. - Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. – 198 с.
57. *Ревзина, О. Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках / О. Г. Ревзина. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 156 с.
58. *Розенталь, Д. Э.* Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 448 с.
59. *Самарин, Д. А.* Грамматические концепции В. Матезиуса и Л. В. Щербы (сравнительный аспект) / Д. А. Самарин // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – №3. – С. 188-195.
60. *Серебренников, Б. А.* Секторная структура языка и проблема частей речи / Б. А. Серебренников // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов: Тезисы докладов. – Л., 1965. – С. 9-11.
61. *Смирницкий, А. И.* Морфология английского языка. / А. И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
62. *Соссюр, Ф. де* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.

63. *Степанова, М. Д.* Вопросы лексико-грамматического тождества (На материале современного немецкого языка) / М. Д. Степанова // Вопросы языкознания. – М., 1967. - № 2. – С. 89-97.
64. *Суник, О. П.* Общая теория частей речи / О. П. Суник. – М.-Л.: Наука, 1966. – 132 с.
65. *Супрун, А. Е.* Заметки о частях речи / А. Е. Супрун // Вопросы лексики и грамматики русского языка: Уч. зап. Киргизского ГУ, II. – Фрунзе, 1964. – С. 37-59.
66. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / ред. Н. А. Кондрашов. – М.: Прогресс, 1967. – С. 17-41.
67. *Тронский, И. М.* Учение о частях речи у Аристотеля / И. М. Тронский // Учёные записки ЛГУ. Серия «Филологические науки». – Л., 1941. – Вып. 7, № 63. – С. 20-36.
68. *Тяпко, Г. Г.* Развитие категории качества в сербском литературном языке (На материале «Сербского словаря» Вука Караджича) / Г. Г. Тяпко // Слов'янський збірник / Відп. ред. А. К. Смольська. – Одеса: Астропринт, 2003. – Вип. X. – С. 114-124.
69. *Тяпко, Г. Г.* Качественные прилагательные в «Сербском словаре» Вука Караджича / Г. Г. Тяпко // Славянский вестник филологического факультета МГУ: Вып. 2. К 70-летию В. П. Гудкова. — М.: МАКС Пресс, 2004. – с.393-405.
70. *Тяпко, Г. Г.* Развој граматичких погледа Вука Караџића у његовој лексикографској пракси / Г. Г. Тяпко // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 2011. – 40/1. – С. 53-59.
71. *Филин, Ф. П.* О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 229-239.

72. *Чесноков, Л. Д.* Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском языке: Материалы для спецкурса / Л. Д. Чесноков. – Ростов-на-Дону, 1972. – 136 с.
73. *Шендельс, А. И.* Грамматика немецкого языка / А. И. Шендельс. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1954. – 365 с.
74. *Щерба, Л. В.* О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Наука, 1957. – С. 63-84.
75. *Щур, Г. С.* Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
76. *Янович, Е. И.* Сравнительно-исторический обзор морфологических типов наречий в русском и чешском языках / Е. И. Янович // Studie rusistické: I. Sborník prací pedagogické fakulty univerzity J. E. Purkyně v Brně. – Brno, 1977. – č. 10. – S. 39-48.
77. *Ярцева, В. Н.* К вопросу об историческом развитии системы языка / В. Н. Ярцева // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. – М., 1952. – С. 68-98.
78. *Daneš, F.* The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal / F. Daneš // Travaux linguistiques de Prague, 2: Les problèmes du centre et de la pèriphèrie du système de la langue. – Prague, 1966. – S. 9-21.
79. *Dokulil, M.* K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice / M. Dokulil // Slovo a slovesnost. – Praha, 1982. – №4. – S. 257-271.
80. *Filipec, J.* Česka synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie: příspěvek k poznání systému v slovní zásobě / J. Filipec. – Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1961. – 383 s.
81. *Filipec, J.* K otázce konverze a přechodu slovních druhů v dnešní češtině / J. Filipec // Slovo a slovesnost. – Praha, 1972. – №2. – S. 122-129.
82. *Martincová, O.* Problematika neologismů v současné spisovné češtině / O. Martincová. – Praha: Univerzita Karlova, 1983. – 160 s.

83. Mluvnice češtiny 1. Fonetika, fonologie, morfonologie a morfemika, tvoření slov. / M. Dokulil, K. Horálek, J. Hůrková, M. Knappová, J. Petr. – Praha: Academia, 1986. – 568 s.
84. Mluvnice češtiny 2. Tvarosloví. / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková. – Praha: Academia, 1986. – 538 s.
85. *Neustupný, J.* On the Analysis of Linguistic Vagueness / J. Neustupný // Travaux linguistiques de Prague, 2: Les problèmes du centre et de la pèriphèrie du système de la langue. Prague, 1966. – S. 39-51.
86. *Rusinová, Z.* Česká desubstantivní adverbia v diachronním pohledu / Z. Rusinová // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. – Brno, 1977. – S. 121-140. – URL: http://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/100553/A_Linguistica_25-1977-1_12.pdf (дата обращения: 12.05.2015).
87. Stručná mluvnice česká. / B. Havránek, A. Jedlička. – Praha: Fortuna, 2002. – 248 s.

Словари

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В. Н. Ярцева, В. А. Виноградов, И. К. Сазонова, Т. А. Ганиева, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак и др. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
2. Русско-чешский словарь / Ред. Л. В. Копецкий, О. Лешка. – М.: Русский язык; Прага: Государственное педагогическое издательство, 1978. – 664 с.
3. Русско-чешский словарь / Ред. Й. Влчек. – М.: Русский язык, 1985. – 776 с.
4. Чешско-русский словарь в 2-х т. / Ред. Л. В. Копецкий, Й. Филипец. – М.: Русский язык; Прага: Государственное педагогическое издательство, 1973. – 864 с. + 580 с.
5. Чешско-русский словарь / Ред. А. И. Павлович. – М.: Русский язык, 1989. – 831 с.

6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
7. *Travníček, F.* Slovník jazyka českého / F. Travníček. – Praha: Slovanské nakladatelství, 1952. – 1801 s.
8. Seznam, электронный чешско-русский, русско-чешский словарь. – URL: http://slovnik.seznam.cz/ (дата обращения: 4.09.2016).
9. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost / J. Filipec, F. Daneš. – Praha: Academia, 1978. – 799 s.

Источники

1. Český národní korpus SYN. – Praha, Ústav Českého národního korpusu, 2010. – URL: http://ucnk.ff.cuni.cz/ (дата обращения: 20.06.2016).
2. Google.cz, поисковая система. – URL: https://www.google.cz (дата обращения: 20.06.2016).
3. Kartotéka lexikálního archivu. – Praha, Ústav pro jazyk český, 2008. – Режим доступа: http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php (дата обращения: 4.11.2015).
4. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 1. / O. Martincová, V. Mejstřík, A. Rangelová, V. Holubová. – Praha: Academia, 1998. – 356 s.
5. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2. / O. Martincová, V. Mejstřík, L. Janovec, J. Mravinacová. – Praha: Academia, 2004. – 568 s.

Приложение

Приложение 1

Взаимопроницаемость чешских наречий и других частей речи

Взаимопроницаемость чешских наречий и других частей речи										
Прилагательные	***Существительные***	***Числительные***	***Местоимения***	***Глаголы***	***Предлоги***	***Частицы***	***Союзы***	***Междометия***	***Модальные слова***	***Категория состояния***
bene	accelerando	bilionkrát	co	kleče	(nahoře) bez	alespoň	až	ažaž	ano	běda
bon	alianc	bilionkráte	něco	leže	dík	arci	co	ba	ja	bědno
brevi manu	allegro	čtvernásob	nic	polokleče	kol	arciť	dříve (než)	běda	jo	bolno
cash	amoroso	čtyrmo	tuhle	pololeže	kolem	arciže	hned	bohdá	jou	černo
čerstva	animato	desítinásobně	tuto		krom	arcižeť	kaj	bohudík	ju	červeno
cimprcampr	anticipando	devateronásobně	vše		kromě	asi	kamkoli(v)	bohudíky	jú	chladno
cool	appassionato	dvacateronásobně	všechninko		mimo	aspoň	kamkolivěk	bohužel	lze	chytro
efef	běda	dvacetinásobně			napodél	až	kamo	ex	možná	čižmo
exklusive	bon	dvakrát			napříč	ba	kamokoli	fix	možno	čudno
expres	bravissimo	dvakráte			napřík	beztak	kamokoliv	halt	ne	děsno
extra	bravo	dvénásob			naprostřed	bodej(ť)	kampak	hanba	nelze	deštivo
fair	calando	dvěstěkrát			naproti	co	kamsi	hej	tož	draho
fajn	calmato	dvojmo			naprotiv	copak	kamž	hrůza		dumno
fajn	capriccioso	dvojnásob			naprotivá	copak	kamže	ja		dusno
famós	časem	dvojnásobně			naskrz	cožpak	kde	jistě		hlučno
fér	cash	jedenkrát			naskrze	jakořka	kdekoli	jistěže		horko
fest	celkem	jedenkráte			naveskrz	jaksepatří	kdekoliv	již		hořko
fix	chyba	jedinékrát			naveskrze	jen	kdepak	jižjiž		klidno
fraj	cis	jediněkrát			obdél	jen(om)	kdesi	jo		krásno
free	davem	jedinékráte			okolo	jenjen	kdež	jou		krušno
halabala	delicioso	jediněkráte			oproti	jenom	kdeže	ju		lehko
implicite	delirando	jedinkrát			oprotiv	jenť	kdežkolivěk	jú		líno
inclusive	diminuendo	jedinkráte			podél	jižť	kdežpak	již		líto
infám	div	jedinýkrát			podle	kdepak	kdežto	jižjuž		nevolno
inklusive	dolce	jednou			podlevá	kdežpak	kdy	kata		pokojno

kách	dolcissimo	málo			podlivá	možná	kdykoli(v)	nazdařbůh		příjemno
komplet	dolem	mnoho			polokolem	možno	kdypak	nýdr		pusto
kvit	dolendo	moc			pomimo	nechať	kdysi	opět		rušno
lila	doloroso	nemálo			popříč	nechť	kterak	ostopryč		špatno
live	dolů	osmeronásobně			přes	nechťsi	kterakkoli(v)	ostošest		šťastno
male	domu	pársetkrát(e)			přese	nejspíš	kterako	přebohužel		šumno
manifik	domů	pateronásob			prostřed	nejspíše	kterakž	pryč		teplo
nefair	doprava	pateronásobně			proti	nešť	kterakže	repete		teskno
off-line (offline)	dostatek	pětinásobně			skrz	nešťsi	kterakžto	sbohem		trpko
on-line (online)	drobánek	prv			uprostřed	netoliko	leda	setsakra		trpno
postnumerando	drobánko	prve			vedle	nicméně	nač	škoda		tuho
potento	drobátek	prvé			veskrz	ovšem	načež	spánembohem		úklidno
prima	drobátko	prvně			veskrze	ovšemže	proto	už		úsměvno
profi	drobet	prvněkrát(e)			vně	pak	protož	užuž		žalmo
rajn	drobínek	prvo			vpříč	pouze	však	vděk		žalno
rallentando	drobítek	prvý			vstříc	pra	vztahmo	vet		želno
recht	drobítínek	sedmeronásob			vůči	přec	vztažmo	veta		zle
respektábl	dubkem	sedmeronásobně			vůčihledě	přecajky		vete		zoufalo
restante (poste restante)	enóno	stakrát			vůčihledně	přece		vr		
rigolo	fest	stakráte			vyjímaje	přecej		vzdařbůh		
singl	forte	stanásob			vyjímajíc	přecejc		zaboha		
super	fortissimo	steronásob				přeci		zaplaťpámbu		
tiptop	furioso	steronásobně				především		zaplaťpánbu		
trop	gala	stonásob				předosti		zaplaťpánbůh		
unfair	gratis	stonásobně				předtím		zbůhdarma		
unplugged	grazioso	tisíceronásob				přespříliš		zdařbůh		
veritábl	habaděj	tisíceronásobně				přesto		želbůh		
	hanba	tisícinásobně				převelice				
	honem	trénásob				převelmi				
	hoře	trénásobně				příliš				
	houbičky	trojmo				quasi				
	houby	trojnásob				rovněž				

	houf	trojnásobně				sice				
	houfem					skor				
	hrůza					skorem				
	inkognito					skoro				
	justament					sotva				
	kapánek					sotvinka				
	kapek					sotvy				
	kapínek					spíš				
	kapinku					spíše				
	kapku					spoře				
	komplet					také				
	kosem					takořka				
	kosou					takřka				
	krapánek					taktéž				
	krapánkem					taky				
	krapet					takž				
	krapínek					téměř				
	krapítek					teprv				
	krapka					teprve				
	křížem					též				
	kus					toť				
	kvaltem					totiž				
	kvapem					veď				
	lacrimoso					velice				
	ladem					velmi				
	lamentoso					vraj				
	larghetto					vůbec				
	largo									
	legatissimo									
	legato									
	lentando									
	lento									

	letem									
	maestoso									
	málem									
	maličko									
	málo									
	maní									
	mezza-voce									
	mezzoforte									
	minus									
	místem									
	místo									
	místy									
	mnohem									
	mnoho									
	moc									
	moderato									
	mol									
	morendo									
	mračky									
	mžičkem									
	mžikem									
	náhodou									
	náruč									
	nemálo									
	nemluvně									
	nemnoho									
	nepotřeba									
	off-line (offline)									
	offside									
	okolkem									
	on-line (online)									
	ostatek									

	ostatkem									
	pádem									
	pangrot									
	pas									
	pianissimo									
	piano									
	pieno									
	pizzicato									
	pleno									
	plus									
	pobočky									
	pokos									
	pokosem									
	polem									
	pořádkem									
	potřeba									
	povrch									
	povrchu									
	prant									
	pravda									
	právem									
	pravidlem									
	předem									
	prima									
	proudem									
	půl									
	quieto									
	ráno									
	ráz									
	rázem									
	recitando									
	rekomando									

	religioso									
	rest									
	retardando									
	rinforzando									
	risoluto									
	ritardando									
	ritenuto									
	scherzando									
	scherzoso									
	secco									
	šeptem									
	serioso									
	sforzato									
	škoda									
	slovem									
	smorzando									
	sólo									
	sospirando									
	sostenuto									
	soukromí									
	spěchem									
	spiccato									
	staccato									
	stranou									
	subito									
	sucho									
	sumou									
	temno									
	tenuto									
	ticho									
	tma									
	trap									

	trapem									
	tremolando									
	tremolo									
	trochánek									
	trochek									
	trochet									
	trochu									
	trochy									
	trochýtek									
	trošánek									
	trošenku									
	trošičku									
	trošilinku									
	trošinečku									
	trošínek									
	trošininku									
	trošinku									
	trošinynku									
	troška									
	trošku									
	troubel									
	unisono									
	vabank									
	vabanque									
	vagant									
	valem									
	večer									
	večerem									
	velato									
	velo									
	věru									
	většinou									

	vibrato									
	violente									
	vis-á-vis									
	vite									
	vivace									
	vivacissimo									
	vivissimo									
	vivo									
	vrch									
	vrchem									
	vzhledem									
	začátky									
	zástupem									
	zima									
	zimička									
	značky									
	znak									

Приложение 2

Классификация синкретичных единиц по причинам взаимопроницаемости

Взаимопроницаемость чешских наречий и других частей речи									
Прилагательные		***Существительные***						***Числительные***	
Полифункциональность	Омонимия	Адвербиализация Тв. пад. + существование омонимичных неадверб. форм	Адвербиализация Им. пад. + существование омонимичных неадверб. форм	Адвербиализация Род. и Вин. пад. + существование омонимичных неадверб. форм	Полифункциональность	Субстантивация+ существование омонимичных несубстант. форм	Омонимия	Адвербиализация+ существование омонимичных неадверб. форм	Нумерализация+ существование омонимичных ненумерализир. форм
bene	čerstva	časem	běda	dolů	alianc	accelerando	doprava	bilionkrát	málo
bon	cimprcampr	celkem	chyba	domu	bon	allegro	hoře	bilionkráte	mnoho
brevi manu	halabala	davem	dostatek	domů	cash	amoroso	kosem	čtvernásob	moc
cash	kách	div	drobánek	kapinku	enóno	animato	mračky	čtyrmo	nemálo
cool		dolem	drobánko	kapku	fest	anticipando	pobočky	desítinásobně	
efef		dubkem	drobátek	povrchu	gala	appassionato	sucho	devateronásobně	
exklusive		honem	drobátko	trochu	gratis	bravissimo	temno	dvacateronásobně	
expres		houfem	drobet	trochy	inkognito	bravo	ticho	dvacetinásobně	
extra		kosou	drobínek	trošenku	justament	calando	začátky	dvakrát	
fair		krapánkem	drobítek	trošičku	off-line (offline)	calmato	značky	dvakráte	
fajn		křížem	drobítínek	trošilinku	offside	capriccioso		dvénásob	
fajn		kvaltem	habaděj	trošinečku	on-line (online)	cis		dvěstěkrát	
famós		kvapem	hanba	trošininku	pangrot	delicioso		dvojmo	
fér		ladem	houbičky	trošinku	prant	delirando		dvojnásob	
fest		letem	houby	trošinynku	prima	diminuendo		dvojnásobně	
fix		málem	houf	trošku	rest	dolce		jedenkrát	
fraj		místem	hrůza	věru	vabank	dolcissimo		jedenkráte	
free		místy	kapánek		vabanque	dolendo		jedinékrát	
implicite		mnohem	kapek		vagant	doloroso		jediněkrát	
inclusive		mžičkem	kapínek		vis-á-vis	forte		jedinékráte	
infám		mžikem	komplet			fortissimo		jediněkráte	
inklusive		náhodou	krapánek			furioso		jedinkrát	
komplet		okolkem	krapet			grazioso		jedinkráte	
kvit		ostatkem	krapínek			lacrimoso		jedinýkrát	
lila		pádem	krapítek			lamentoso		jednou	
live		pokosem	krapka			larghetto		osmeronásobně	
male		polem	kus			largo		pársetkrát(e)	
manifik		pořádkem	maličko			legatissimo		pateronásob	
nefair		právem	málo			legato		pateronásobně	
off-line (offline)		pravidlem	maní			lentando		pětinásobně	

on-line (online)		předem	minus			lento		prv	
postnumerando		proudem	místo			maestoso		prve	
potento		rázem	mnoho			mezza-voce		prvé	
prima		šeptem	náruč			mezzoforte		prvně	
profi		slovem	nemálo			moc		prvněkrát(e)	
rajn		spěchem	nemluvně			moderato		prvo	
rallentando		stranou	nemnoho			mol		prvý	
recht		sumou	nepotřeba			morendo		sedmeronásob	
respektábl		trapem	ostatek			pianissimo		sedmeronásobně	
restante (poste restante)		trošínek	pas			piano		stakrát	
rigolo		valem	pleno			pieno		stakráte	
singl		večerem	plus			pizzicato		stanásob	
super		většinou	pokos			quieto		steronásob	
tiptop		vrchem	potřeba			recitando		steronásobně	
trop		vzhledem	povrch			rekomando		stonásob	
unfair		zástupem	pravda			religioso		stonásobně	
unplugged			půl			retardando		tisíceronásob	
veritábl			ráno			rinforzando		tisíceronásobně	
			ráz			risoluto		tisícinásobně	
			škoda			ritardando		trénásob	
			soukromí			ritenuto		trénásobně	
			tma			scherzando		trojmo	
			trap			scherzoso		trojnásob	
			trochánek			secco		trojnásobně	
			trochek			serioso			
			trochet			sforzato			
			trochýtek			smorzando			
			trošánek			sólo			
			troška			sospirando			
			troubel			sostenuto			
			večer			spiccato			
			velo			staccato			
			vrch			subito			
			zima			tenuto			
			zimička			tremolando			
			znak			tremolo			
						unisono			
						velato			
						vibrato			

						violente			
						vite			
						vivace			
						vivacissimo			
						vivissimo			
						vivo			

Продолжение

Взаимопроницаемость чешских наречий и других частей речи									
Предлоги		***Частицы***	***Союзы***	***Междометия***	***Модальные слова***	***Категория состояния***	***Местоимения***		***Глаголы***
Адвербиализация + существование омонимичных неадверб. форм	Образование производных предлогов	Полифункциональность	Полифункциональность	Полифункциональность	Полифункциональность	Полифункциональность	Адвербиализация + существование омонимичных неадверб. форм	Омонимия	Адвербиализация + существование омонимичных неадверб. форм
(nahoře) bez	kol	alespoň	až	ažaž	ano	běda	co	tuhle	kleče
dík	kolem	arci	co	ba	ja	bědno	něco	tuto	leže
krom	mimo	arciť	dříve (než)	běda	jo	bolno	nic		polokleče
kromě	napodél	arciže	hned	bohdá	jou	černo	vše		pololeže
podlevá	napříč	arcižeť	kaj	bohudík	ju	červeno	všechninko		
podlivá	napřík	asi	kamkoli(v)	bohudíky	jú	chladno			
přes	naprostřed	aspoň	kamkolivěk	bohužel	lze	chytro			
přese	naproti	až	kamo	ex	možná	čižmo			
vůči	naprotiv	ba	kamokoli	fix	možno	čudno			
vůčihledě	naprotivá	beztak	kamokoliv	halt	ne	děsno			
vůčihledně	naskrz	bodej(ť)	kampak	hanba	nelze	deštivo			
vyjímaje	naskrze	co	kamsi	hej	tož	draho			
vyjímajíc	naveskrz	copak	kamž	hrůza		dumno			
	naveskrze	copak	kamže	ja		dusno			
	obdél	cožpak	kde	jistě		hlučno			
	okolo	jakořka	kdekoli	jistěže		horko			
	oproti	jaksepatří	kdekoliv	již		hořko			
	oprotiv	jen	kdepak	jižjiž		klidno			
	podél	jen(om)	kdesi	jo		krásno			
	podle	jenjen	kdež	jou		krušno			
	polokolem	jenom	kdeže	ju		lehko			
	pomimo	jenť	kdežkolivěk	jú		líno			

	popříč	jižť	kdežpak	již		líto			
	prostřed	kdepak	kdežto	jižjuž		nevolno			
	proti	kdežpak	kdy	kata		pokojno			
	skrz	možná	kdykoli(v)	nazdařbůh		příjemno			
	uprostřed	možno	kdypak	nýdr		pusto			
	vedle	nechať	kdysi	opět		rušno			
	veskrz	nechť	kterak	ostopryč		špatno			
	veskrze	nechťsi	kterakkoli(v)	ostošest		šťastno			
	vně	nejspíš	kterako	přebohužel		šumno			
	vpříč	nejspíše	kterakž	pryč		teplo			
	vstříc	nešť	kterakže	repete		teskno			
		nešťsi	kterakžto	sbohem		trpko			
		netoliko	leda	setsakra		trpno			
		nicméně	nač	škoda		tuho			
		ovšem	načež	spánembohem		úklidno			
		ovšemže	proto	už		úsměvno			
		pak	protož	užuž		žalmo			
		pouze	však	vděk		žalno			
		pra	vztahmo	vet		želno			
		přec	vztažmo	veta		zle			
		přecajky		vete		zoufalo			
		přece		vr					
		přecej		vzdařbůh					
		přecejc		zaboha					
		přeci		zaplaťpámbu					
		především		zaplaťpánbu					
		předosti		zaplaťpánbůh					
		předtím		zbůhdarma					
		přespříliš		zdařbůh					
		přesto		želbůh					
		převelice							
		převelmi							
		příliš							
		quasi							
		rovněž							
		sice							
		skor							
		skorem							
		skoro							
		sotva							

		sotvinka							
		sotvy							
		spíš							
		spíše							
		spoře							
		také							
		takořka							
		takřka							
		taktéž							
		taky							
		takž							
		téměř							
		teprv							
		teprve							
		též							
		toť							
		totiž							
		veď							
		velice							
		velmi							
		vraj							
		vůbec							

Приложение 3

Наречия-неологизмы в современном чешском языке

Наречия-неологизмы	***Примеры***
agenturně	agenturně nepracují pouye tajné služby, ale i policie
alternativně	hospodařit alternativně
antielitářsky	jsme založeni přiliš rovnostářsky, tedy antielitářsky; vidět něco antielitářsky
antievropsky	antievropsky naladěný politik
antiglobalizačně	demonstraci lze hodnotit i antiglobalizačně
antihavlovsky	antihavlovské postoje uvnitř ODS
antiklausovsky	antiklausovsky zaměřený projev předního politika
antisexy	chovat se antisexy
arboristicky	ošetřit stromy arboristicky
asertivně	jednat asertivně
audiofilně	přístroj se podobá spíše audiofilně zaněřeným zesilovačum
audiofilsky	audiofilsky provedený stereofonní přístroj
bez	opalovat se bez; saunování bez
bezbariérově	stavět bezbariérově; upravit bezbariérově všechny veřejné prostory; škola je řešena bezbariérově
bezpřívlastkově	bezpřívlastkově tržní hospodářství
bikově	několik bikově správných postupů při překonávání terénních překážek
biotronicky	léčit biotronicky revmatické potíže
bonmotově	bonmotově se říkalo, že Jelcin se prohlašuje za demokrata proto, že neví, co je demokracie
boxovitě	boxovitě rozdělená králíkárna
bulvárně	bulvarně a srdceryvně popisovat útrapy nájemníků
cash	platit své závazky cash
celoobrazkově	DOS běží celoobrazovkově
celoplošně	1) vysílat celoplošně na středních vlnách; 2) působit celoplošně na mládež
černě	neodolatelná černě komická road movie; rychlé černě anekdotické scény; černě vtipná poloha, v níž hrdinové řeší své problémy

chemopreventivně	představa, že se vyvine látka, která bude působit chemopreventivně, a člověk bude moci kouřit dál, je naprosto mylná
cool	1) myslet cool; 2) cítit se cool, vypadat cool
čtyřkoaličně	čtyřkoaličně svázání potenciálni spojenci ODS; srdce ústavních soudcu možná bije tak trochu čtyčkoaličně
cyklo	50 km cyklo
datově	systém vzájemně datově provázaných modulů
dealersky	prodávat kosmetiku dealersky
deathově	bruálně deathově rozpolažená skupina a její nové CD
definitoricky	činit rozhodnutí na všech úrovních správy definitoricky
deníkovitě	básník v dopisech deníkovitě zaznamenával, že nejlepší inspirací je každodenní práce
deodoračně	masážní emulze pusobí i deodoračně
digitálně	zpracovat data digitálně
disidentsky	jednat disidentsky
disketově	disketově vydat slovník
dolarově	dolarově podporovat rozvoj průmyslu v méně rozvinutých zemích
dotykově	dotykově citlivý monitor, dotykově citlitvá obrazovka
e-byznysově	e-byznysově zaměřená příloha novin
ekologicky	ekologicky zdevastovaný podník
etikoterapeuticky	nemoci léčeně eticoterapeuticky
eurocentricky	jak svět ...
eurokriticky	myslet eurokriticky
eurorealisticky	ODS se ve vztahu k dalším českým politickým subjektům deklarují eurorealisticky
faremně	faremně chované lišky
farmářsky	zvířata chovaná farmářsky
free	chovat se free
gagově (geg-)	pochybově a gagově ilustrovat písničky
gender	1) je interakce bytostí v kyberprostoru opravdu gender neutrální; 2) gender orientované projekty, činnosti, přednášky
genderově	
geneticky	testovat geneticky manipulovaně rosltiny ve volné přírodě; pěstovat geneticky manipulované potravina

ghettoidně	svědectví, které není uzamčeno do úzkého až ghettoidně přistřiženého rámce
globalisticky	podobně - globalisticky - uvažoval v první vlně i sám Viktor Kožený; mexický prezident Fox naléhá v USA na volný pohyb zboží a lidí mezi oběma státy. To zní velmi progresivně, globalisticky
globalizačně	1) že by Singapurci byli globalizačně pokročilejší; 2) odešli jsme do KFC, oblíbeného podniku našeho globalizačně orientovaného klubu; jejich domky vypadají globalizačně
globalizovaně	zákony se pořád ještě netvoří globalizovaně, neopisují se od jiných zemí; album zní tak "civilizovaně" a "globalizovaně"; Do jaké Evropy? Té kulturně duchovní, nebo jen do té globalizovaně konzumní?; sami radikálové jsou jen globalizovaně stádní obětí onoho systému
golfově	1) rozhodl jsem se pro úder přes stromy, prostě zahrát ho golfově; 2) golfově velmi rozvinuté země; zařadit se golfově na úroven Estonska; golfově velmi zajímané prostory pro hru venku; golfově neobyklé země, jako je čína či Rusko; 3) golfově orientovaná společnost; golfově se vzdělávat na akademii v Orlandu
grungově	grungově drsný; hrát maličko jinak, víc grungově; grungově znějící písen
haiderovsky	vyjádření šéfa odborářů zní téměř hai...
happyendově	film skončil happyendově
hardwarově	hardwarově náročný projekt
havlovsky	havlovsky humanistická cesta; havlovsky absurdní příběh; pokorná úcta k životu - havlovsky řečeno: k tajemství bytí
házenkářsky	třetí tým I. hokejově ligy prohrál téměř házenkářsky 7:8; fotbalový brankář házenkářsky vykopl další příležitost soupeře
hejtmansky	debaty v tom, jaké auto bude dost hejtmansky reprezentativní
hokejově	přinutit golmana, aby v pádu zasáhl hokejově nohou; v basketbalovém turnaji se hrálo hokejově - třikrýát 20 minut; hostující fotbalové družstvo mělo k dispozici 22 hráčů a střídalo hokejově
houmlesácky	houmlesácky vyhlížející alkoholický otec; účastníci koncertu vypadali houmlesácky
hvězdně	hvězdně zajištěný projekt filmu
hypertextově	textové informace jsou hypertextově uspořádané; odkazy jsou řešeny hypertextově
hypervýhodně	nakupujte hypervýhodně
imagově	
independetně	
infračerveně	
instantně	instantně použitelný program

interaktivně	možnost získávat interaktivně informace
intergeneračně	
interkulturálně	
interkulturně	
internetmo	dozvědět se internetmo hledané údaje
internetově	internetově získaný výpis z rejstříku trestů nelze použít jako právní doklad
internetovsky	provozovat aktivity internetovsky
internetsky	počítač je internetsky funkční
intoušsky	
investigativně	
japícky	
jednobarevně	obsadit jednobarevně parlament
jednonázorově	jsme jednomyslně pro to, aby se přístupem polotických stran, které půjdou do voleb, zvedla životní úroveň na vesnici
jendozdrojově	1) novinář se místo práce na vlastní oči vyptává starostů a v článcích se často jednozdrojově spoléhá na jejich vědomosti a názory; 2) zdravotnictví nelze financovat jednozdrojově
just in time	uvedení Internetu zdarma přišlo just in time
kalamitně	kůrovec se kalamitně vyskytuje na Moravě
katastroficky	nevidět situaci katastroficky
klausovitě	svými stanovisky pan stavební inženýr působí klausovitěji než samotný Václav Klaus
klausovsky	
klientsky	
klipově	1) klipově nahraná písnička; 2) dnešní doba je klipově rychlá
klipovitě	
koaličně	
komiksonitě	
komunitně	
konsenzuálně	vystupovat při jednání komise konsenzuálně
kontraproduktivně	ochraňování měny může působit kontraproduktivně
konzumisticky	
korespondenčně	studovat korespondenčně
korupčně	

kosmeticky	kosmeticky přestavená vláda
kredibilně	
kriteriálně	dnešní kriteriálně volný svět
kulisově	poslouhat hudbu jen kulisově
kuponově	kuponově privatizovaný podnik
libově	filmový hrdina opět libově zvítězil
live	mluvit live v rozhlase
lobbisticky	
logisticky	
makrobioticky	stravovat se makrobioticky
makroekonomicky	je třeba uvažovat makroekonomicky
manažersky	chovat se v každé situaci manažersky
mečiarovsky	
mediálně	zpráva byla mediálně provětrána
mediaticky	
mezifiremně	data lze porovnat i mezifiremně
mezikulturálně, mezikulturně	mezikulturálně o duši, vesmíru a jednotě
mezitýdenně	zásoby zemního plynu poklesly mezitýdenně o 5,1%
mikroplatebně	
mileniálně	
množstevně	množstveně poskytované slevy
mobilmo	zatelefonoval mi mobilmo (O. Neff; příležitostně)
mobilně	mobilně telefonovat
moderátorsky	moderátorsky připravot pořad
monetaristicky	uvažovat monetaristicky
monetárně	vykládat ekonomické jevy monetárně
moravisticky	moravisticky orientovaný volič
multijazyčně	
multijazykově	
multikulturně	multikulturně vytvořené svazky mezi původním obyvatelstvem a kolonisty
nabušeně	ráno přijelý tři nabušeně vyhlížející skupiny dobrodruhů

nadlinkově	životní pojištění je výrazně nadlinkově podporováno; společnost komunikuje se zákazníkem nadlinkově
nadregionálně	
nadrzo	student šel nadrzo, spoléhal, že to nějak dopadne
nadsoučasně	výsledný zvuk směsi živých hudebníků se samply a efekty působí nadsoučasně
nadstandardně	jeho příjmy nedosahují zákonem stanoveného minima a nežije nadstandardně
nadstylově	
nadupaně	auto vypadá hodně nadupaně
nadžánrově	
nahoře (nahoře bez)	opalovat se nahoře bez
nahoře bez	1) o úpravu nahoře bez se postarala renomovaná automobilová firma; 2) srdcem japonského motocyklu je jeden z nejvýkonnějších motorů v kategorii nahoře bez
najazzle	
nanotechnologicky	
nastojato	přehled nabídnutých a prodaných objemů dříví v aukcích nastojato v roce 2014 k 18.3.2014
natovsky	
natvrdo (na tvrdo)	1) říct něco natvdo; 2) instalace natvrdo
nehvězdně	herečka působila velmi skromně a nehvězdně
neinternetově	
nekalosoutěžně	
neklausovsky	cíl se zdá neklausovsky skromný
nepočítačově	1) nepočítačově orientovaný obsah magazínu; 2) nepočítačově animovaný film; 3) nepočítačově zaměření jedinci
nízkoenergeticky	
nomenklaturně	chovat se nomenklaturně
novácky	novácky vymyté mozky
odisticky	
offroadově	
on-line	on-line zapojený terminál
opozičně	
oprudentně	
orwellovsky	orwellovsky pokřivený humor

paketově	
pamětově	paměťově rezidentní program
penzijně	
perestrojkově	perestrojkově naivní film
permakulturně	
pilotně	
pirátsky	pirátsky nahraný film
platformisticky	
play-off	turnaj se hraje play-off
plošně	odmítnout plošně návrh
po anarchisticku	
po eurokraticku	Evropská unie to udělala jako obvykle - po eurokraticku
po havlovsku	po havlovsku řečeno
po klausovsku	ťafnout protivníka po klausovsku
po reálněsocialisticku	snížovat ceny poreálněsocialisticku
počasově	počasově se jaro definuje dost těžko
počítačově	počítačově řízená signalizace
pohodářsky	pohodářsky starostlivá maminka
pohodově	zpívat pohodově
polistopadově	poskytnout práci polistopadově zmateným filmovým mistrům
poloautobiograficky	
polobulvárně	
polodemokraticky	
polopirátsky	
populisticky	sociální demokrati populisticky utratili na výplaty důchodců
postmoderně	postmoderně nepovedená symfonie
potom	pilulka na potom
pozitivně	
pragmaticky	postupovat pragmaticky
pravostředově	
předdevalvačně	podniky se začaly chovat předdevalvačně
premiérově	premiérově uvést nové videoklipy

proaktivně	
produktově	
proekologicky	
proevropsky	snaha orientovat banky proevropsky
profi	dát se do něčeho profi
prohavlovsky	prohavlavsky znějící přispěvky lidovců při slavnostním zasedání
proinflačně	
proinvestičně	
proklausovsky	proklausovsky orientovaná Praha
propopukačně	
proreformně	česká společnost je proreformně naladěna
prorežimně	
prorůstově	prorůstově orientovaný program
protekcionalisticky	reagovat protekcionalisticky
protičečensky	baronka dnes vystupuje zásadně "protievropansky"
protiekologicky	vláda se chová protiekologicky
protievropansky	stejně jako protievropansky
protievropsky	protihavlovsky naladění občanští demokraté
protihavlovsky	protiklausovsky naladěné články
protiklausovsky	
protipopulačně	
protirežimně	
protirůstově	protirůstově zaměřená restriktivní měnová politika
protitálibánsky	
protitemelínsky	
protržně	protržně orientovaná reforma
prounijně	
pseudoekologicky	
rambovsky	
retailově	
rezidentně	program instalovaný rezidentně
sametově	soudruzi budou uskutečňovat svůj návrat do prosluněného komunistického ráje ne zrovna sametově

satelitně	
schizofrenicky	Berlín bylo schizofrenicky rozdělené město
sebestředně	jeho iniciativu je třeba přivítat - nemusí to však činit tak sebestředně
sexisticky	sexisticky k tomu dodá něco na způsob "chci mít doma ženu, ne jenom kalkulačku"
sexuálně	
singl	žije singl
skejťacky	vypadat skejťacky
šmejdsky	šmejdsky nahrané kazety
so(o)lo	so(o)lo dopadnout pachatele
sofrologicky	
soft	hrát bigbít, ale soft
softwarově	softwarově řešený záznamník
šokově	
šoumensky	choval se šoumensky
špidlovsky	
sponzorsky	dostihy jsou sponzorsky pokryty
stavebně spořit	ještě jsem nezačal stavebně spořit
stínově	stínový premiér a stínoví ministři stínově vládnou
stresově	1) reagovala stresově; 2) prostředí suchého vzduchu působí škodlivě až stresově
super	sousedka je ostříhaná super
superdemokraticky	
superkvalitně	náš vodní lyžař nedávno startoval na superkvalitně obsazeném turnaji
tarantinovsky	
technooptimisticky	
technopesimisticky	
terestriálně	
thrillerově	thrillerově laděná polodokumentární sonda
titulově	
trancově	
transparentně	chovat se transparentně
trialově	trialově exotické země
tripartitně	rada je složená tripartitně

triphopově	
tripově	
trvale udržitelný rozvoj	usilovat o trvale udržitelný rozvoj
ufologicky	
ultrasoučasně	
ultrasprostě	
undergroundově	Pelcovo undergroundově bezvýchodné "a bude hůř"
unplugged	koncert se odehraje unplugged
uživatelsky (uživatelsky přátelský)	uživatelsky přátelské produkty
vegansky	živit se vegansky
virtuálně	
vizážisticky	
volně (šiřitelný)	volně šiřitelná verze programu
vychytaně	informace nejsou zpracovány tak multimediálně precizně, vychutaně
webdesignérsky	
webově	
workoholicky	v agentuře se pracuje workoholicky
xenoaltruisticky	
xeroxově	xeroxově rozmnožit pozvánky
žebříčkově	žebříčkově sedmý
zemanovitě	parta se tváří zemanovitě
zemanovsky	